

Очерки феодальной России

Выпуск 2

УРСС
Москва, 1998

Научное издание

ОЧЕРКИ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

Сборник статей. Вып. 2

Редактор: *С.Н.Кистерев*

М., УРСС, 1998. — 272 с.

Макет: *Е.К.Даруга*

ISBN 5-88417-154-4

© С.Н.Кистерев, 1998
© УРСС, 1998

Л. А. Тимошина

ТОПОГРАФИЯ КОСТРОМСКОГО ПОСАДА XVII в.

История развития русского ремесла и торговли XVI-XVII вв., неразрывно связанная с историей городов России этого периода, постоянно привлекала к себе внимание исследователей. Начиная с книги Н. Д. Чечулина о городах XVI в., где анализу городского ремесленного производства была посвящена особая глава¹, и до настоящего времени появлялись и появляются десятки статей и монографий, касающиеся изучения занятий городских жителей. Исследование этой, безусловно, очень важной темы шло, в основном, по трем направлениям.

Во-первых, был проведен анализ развития ремесленного и мелкого товарного производства на территории всего Русского государства XVI-XVII вв. с выделением отдельных центров и регионов, где преобладал тот или иной вид ремесла².

Во-вторых, исследователями были выполнены тщательные подсчеты числа ремесленников и торговцев, их группировка по видам деятельности и отраслям торговли по целому ряду городов³.

¹ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. М., 1889.

² Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Изв. Т. 34. М., 1950; Очерки истории СССР. Конец XVI – начало XVII в. М., 1955; Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955; и др.

³ Шуиков В. И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска. 1639-1640 // Изв. Т. 5. М., 1939; Чистякова Е. В. Псковский торг в середине XVII в. // Изв. Т. 34. М., 1950; Сербина К. С. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. М.; Л., 1951; Чистякова Е. В. Ремесло и торговля Воронежа. Воронеж., 1954; Дашилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII в. (по материалам г. Ярославля) // История СССР. 1957. № 3; Тверская Д. И. Москва второй половины XVII в. – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А.

И, наконец, ряд работ был посвящен конкретному изучению отдельных видов ремесленного производства или промыслов, при этом основное внимание обращалось на развитие специализации и особенности технологических процессов⁴. Итоги этих исследований были, в значительной мере, подведены в недавно вышедшей работе Н. А. Горской⁵.

Историки, занимавшиеся всеми указанными направлениями исследований, единодушны в признании огромной роли ремесла и торговли в развитии городских центров и жизни людей, их населяющих. Тем не менее, на реальное существование ремесленников и купцов в городах, не в виде процентов или абстрактных чисел, а в совокупности их профессиональных и родственных отношений, расселения по городской территории почти не обращалось внимания. Единственной попыткой в этом роде следует признать работу М. Г. Рабиновича, посвященную «городскому быту во всем его многообразии». Автор видел свою задачу в рассмотрении «производственной деятельности горожан... преимущественно с ее бытовой стороны: характеризуются не сами производства, а их роль в жизни города... (например, не техника и организация ремесел, а особенности быта ремесленников, их влияние на быт и облик города, не сама торговля, предметы ввоза и вывоза, а жизнь городского торга и торговых людей)»⁶. На основе анализа писцовых книг XVII в. Балахны и некоторых других городов автор дал детальную картину половозрастного состава городской посадской семьи, ее повседневного быта, обычаев и обрядов. Однако ряд вопросов, поставленных самим исследователем, был решен им весьма приблизительно. Это касается прежде всего «облика города», формирующегося под влиянием занятий

Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960; Рабинович Г. С. Город соли — Старая Русса в конце XVI — середине XVIII вв. Л., 1973; Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII-начала XVIII в. М., 1982; и др.

⁴ Орехов А. М. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 75-109; Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI-XVII вв. М., 1971; Волков М. Я. 1) Ремесленное и мелкотоварное производство юфти в России во второй половине XVI — первой половине XVII в. // ИЗ. Т. 92. М., 1979. С. 215-252; 2) Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII в. М., 1979.

⁵ Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма (Итоги и проблемы изучения). М., 1994.

⁶ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 13.

горожан, его социальной и «профессиональной» топографии. М. Г. Рабинович считает, что «названия ремесел буквально пронизывают всю городскую топономику», и в доказательство приводит хрестоматийные примеры названий улиц и слобод — Бронная, Оружейная, Кузнецкая, Гончарский и Плотницкий концы, Щитная улица, Кузнецкие ворота — в Москве, Великом Новгороде, Переяславле Южном⁷. Сюда можно было бы добавить городские районы Ярославля («в Кожевниках»), Вологды («в Старых» и «Новых Кузнецах») и др., тем не менее проблема расселения городских жителей в зависимости от рода их деятельности не так проста и однозначна, как кажется на первый взгляд, и при ее решении сразу же встает ряд вопросов. Например, как быть с городами, в топографии которых отсутствуют топонимы, связанные с тем или иным видом занятий их жителей, или насколько однородными по своему составу были городские улицы и районы, сосредоточивавшие на своей территории лиц преимущественно одной специальности или круга занятий, где преимущественно жили люди, занятые производством продуктов питания или, допустим, иконописцы. Другой круг вопросов связан с устойчивостью рода деятельности у членов одной семьи на протяжении жизни нескольких поколений, перехода ремесла по наследству и т. д.

Для решения этих и других подобных вопросов, связанных с занятиями городского населения и их влиянием на внутреннюю структуру и облик городов, представляется целесообразным рассмотреть топографию территории конкретного города на уровне отдельных улиц и дворов. Наш выбор, обусловленный рядом обстоятельств, остановился на одном из поволжских городов России XVII в. — Костроме. С одной стороны, в середине XVII в. Кострома, по наблюдениям современников и отзывам иностранцев, занимала третье место в государстве после Москвы и Ярославля по числу посадских дворов⁸. Значительное развитие получили в городе в XVII в. различные виды ремесла⁹ и торговли, о чем свидетельствуют данные таможенных книг городов на Сухоно-Двинском торговом пути и постоянное привлечение наиболее зажиточных посадских тяглецов в ряды привилегированного купе-

⁷ Рабинович М. Г. Очерки... С. 31-32.

⁸ Очерки истории СССР. XVII в. С. 200.

⁹ Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство... С. 185; Очерки истории СССР. XVII в. С. 71; Волков М. Я. Ремесленное и мелкотоварное производство... С. 225-229.

чества — в гости, гостиную и суконную сотни¹⁰. Однако, с другой стороны, налицо имеется, как показывают документы писцового делопроизводства 20-60-х годов XVII в., явное расхождение, в противоположность Москве, Великому Новгороду, Вологде и ряду других городов, между развитостью торгово-ремесленных занятий костромских жителей и отражением этого явления в городской топонимике. В отношении Костромы никак не применим общий вывод М. Г. Рабиновича о том, что «в больших городах целые районы и улицы назывались по важнейшим ремеслам...»¹¹. В таком, бесспорно, большом городе как Кострома среди городских топонимов практически не встречаются названия, связанные с ремесленной или иной деятельностью горожан. Наименования ее сети улиц и переулков определялись расположенными на них культовыми сооружениями (Ивановская, Никольская, Златоустенская, Покровская, Богоявленская, Царевская, Варварская улицы, Благовещенский, Троицкий, Спасский, Рождественский, Пятницкий, Вознесенский, Предтеченский, Всехсвятский переулки), были связаны с особенностями их топографического расположения или характерными чертами местности (Нижняя Бережная, Боровая, Мшанская, Подгородная, Верхняя Бережная улицы, Широкий, Зеленый переулки, переулки «из Сулы», «на Кадкине горе» и др.), могли производиться от фамилий и прозвищ издавна живших там людей (Русинова, Гатилова, Глазова улицы, Щербов, Мухин, Качалкин, Лохов переулки).

С некоторой натяжкой с ремесленным производством могли быть связаны Калачная улица, Мыльный и Кисельный переулки и Кузьмодемьянская улица. Но, как будет показано ниже, если первые три наименования и были когда-то обусловлены преобладавшими среди населявших их людей занятиями, то уже для 20-х годов XVII в. говорить о наличии там специалистов по производству хлебных изделий, мыла или киселя не приходится. Что же касается Кузьмодемьянской улицы, то, несмотря на действительно живших на ней специалистов-кузнецов, все-таки определение типа «в Кузницах» в писцовой документации отсутствует. Поэтому Кострома, не имеющая почти никакого «профессионального» обо-

¹⁰ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 23, 24, 50, 113, 190, 239, 249, 254 и др.; Т. 2. М.; Л., 1951. С. 10, 17, 22, 48, 73, 76, 93, 98 и др.; Т. 3. М.; Л., 1951. С. 46, 147, 275, 277, 419 и др.; Голыхова Н. Б. Численность, состав и источники пополнения гостей в XVII в. // Русский город. Вып. 8. М., 1986. С. 94.

¹¹ Рабинович М. Г. Очерки этнографии... С. 31.

значения своих улиц, представляет интересную возможность для анализа расселения людей, занятых в сфере ремесла, торговли или промыслов.

Необходимо сразу же оговориться, что в качестве объекта исследования выбрано черное тяглое население костромского посада. Разумеется, ремесленным производством и торговыми операциями занимались, что не раз отмечалось в исторической литературе, не только посадские люди, но и многие другие категории городских жителей — население монастырских слобод, «дворники» светских феодалов, служилые по прибору, дворцовые и казенные ремесленники, ямщики и т. д. Однако привлечение к изучению данных об этих группах населения влечет за собой постановку и разрешение таких общих вопросов, как социальная топография Костромы в целом, особенности расселения по территории города представителей различных сословий — строгая обособленность их дворов в отдельных районах и слободах или рассредоточение по всему городу, а также выявление реальных возможностей занятия теми или иными видами ремесла людей, находящихся на государственной, военной службе или живущих в частновладельческих дворах, их роли в складывании облика города, что выходит за рамки настоящей работы.

Основными источниками для изучения топографии костромского посада и занятий его жителей послужили писцовые книги Костромы 1627/28 г. писца Ивана Бутурлина и подьячих Остафия Колюпанова и Ивана Злобина и 1628/29-1629/30 гг. писца кн. Василия Волконского и тех же подьячих, дозорная книга 1663/64-1664/65 гг. кн. Ивана Петровича Вяземского¹², составленная по челобитью костромского земского старосты Анания Спиридонова и всех посадских людей для учета запустевших дворов и умерших людей после эпидемии чумы 1654-1655 годов, от которой сильно пострадало население Москвы, Вологды и ряда поволжских городов¹³.

Обе книги сохранились в списках первой половины XVIII в. В основу той и другой был положен топографически-социальный принцип описания посадских дворов. В XVII в. по данным писцовой документации Кострома предстает городом с вполне сложившейся топографической структурой, включавшей в себя несколько

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1:13. Л. 16-126 об.; Кн. 1123. Л. 3-299 об.

¹³ Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 335.

частей: древнейшую городскую крепость — Старый город на высоком холме на левом берегу Волги за Сульским оврагом, второй ряд укреплений, построенный в 1619 г. — Новый город, посад и прилегающие к нему монастырские слободы, слободы служилых людей и казенных ремесленников. Костромской посад занимал обширную территорию от левого берега реки Костромы при ее впадении в Волгу и вниз по течению последней до впадения небольшой речки Черной. Посад делился на три части: северо-западную, расположенную, в основном, по берегам рек Костромы и Волги и около Сульского оврага, выше укреплений Старого города, северо-восточную, Дебрю, ниже Старого города, которая в свою очередь делилась на Верхнюю и Нижнюю, и территорию, расположенную между ними, выходящую к «полю», к посадским выгонным землям.

Уличная сеть Костромы не получила четкой радиально-кольцевой системы, характерной для городов аналогичного секторно-мысового типа, сохраняя, в значительной мере, порядковую, нецентрическую систему улиц. В исторической литературе это объясняется, с одной стороны, тем, что до XV в. центр города находился не на холме у Волги, а на реке Суле, и поэтому в планировке XVII в. остались следы направления улиц в сторону прежнего центра¹⁴, а, с другой стороны, конкретным местоположением Костромы, как и ряда других городов, «на ровном плато, прорезанном речками, ручьями или оврагами поперек берега главной реки»¹⁵. Тем не менее, сложившись к 20-м годам XVII в., топографическая структура костромского посада в дальнейшем, до второй половины XVIII в., не претерпела существенных изменений, и описание черных тяглых дворов и в писцовой, и в дозорной книгах велось по одной и той же схеме, что дает возможность четко выделять и сравнивать на разных хронологических отрезках времени заселение основных улиц с их переулками.

Писцы 20-х годов XVII в. И. Бутурлин и кн. В. Волконский и дозорщик 60-х годов кн. И. П. Вяземский начинали свою работу с одной из основных по протяженности и заселенности улиц северо-восточной части посада — Нижней Бережной улицы

¹⁴ Иванов В. Н., Фехнер М. В. Кострома. М., 1955. С. 13; Иванов В. Н. Кострома. М., 1978. С. 30.

¹⁵ Мокеев Г. Я. Планировка древнерусских городов и методика раскрытия ее систем // Источники и методика исследования памятников строительства и архитектуры. Сборник научных трудов. М., 1980. С. 11.

с Манихиным¹⁶ и Чулковым переулками, шедшей от стен Старого города вдоль берега Волги до впадения в нее р. Черной, до так называемых «решеток». Параллельно тянулась улица Боровая Дебря, начинавшаяся от Ильинских ворот Старого города и заканчивавшаяся также берегом р. Черной. В конце Боровой улицы около Ивановского овражка находилась местность, определяемая в двух книгах по названию бывшего монастыря, а в XVII в. церкви «у Бориса у Глеба». Несколько севернее, от Вознесенских ворот Нового города по направлению «к полю», проходила Русинова (Русина) улица — дорога в Плес. Между Боровой и Русиновой улицами находилась Кадкина гора с деревянной церковью Иоанна Богослова, откуда начиналась сравнительно небольшая Ивановская улица.

В части посада со стороны «поля» главной улицей была Кузьмодемьянская. По ней от Благовещенских ворот пролегла дорога на Галич. Слева и справа к ней примыкали или пересекали ее Никольская, Покровская, Игнатова, Гатилова Немецкая, Стрелина, Златоустенская улица и ряд переулков. Далее шли Калачная улица с ее продолжением — дорогой на Буй — и начинавшаяся неподалеку от одноименного монастыря одна из самых больших улиц города Богоявленская, служившая как бы границей с Сульской частью посада.

В северо-западном районе посада от Предтеченских ворот Нового города к переправе через р. Кострому против Ипатьевского монастыря пролегла Мшанская улица, по которой шла дорога на Москву и Ярославль. Рядом с Мшанской располагались Царевская и Глазова улицы, между Сульским оврагом и р. Костромой — Варварская и Десятильничья улицы, в районе Богоявленского и Настасьина монастырей и стены Нового города находились короткие Подгородная и Брагина улицы. Вдоль берега Волги протянулась Бережная Якиманская улица, описанием дворов которой и заканчивались писцовая и дозорная книги. Пересеченный характер местности этой части посада из-за находившегося здесь глубокого и весьма протяженного Сульского оврага привел к появлению большого числа переулков, примыкавших к Богоявленской — Троицкий, Рождественский, Пятницкий, Вознесенский, Мшанской — Строев, Спасский, Варварской — Цыцын, Суслов, Бережной Якиманской — Щербов, Предтеченский, Всехсвятский, Мухин, Лохов, Зеленый, Качалкин, улицам.

¹⁶ Иногда этот переулок называли Ляпихиным.

При описании дворов в писцовой книге 20-х годов XVII в. все посадское население было разделено на две группы — на людей, живущих в «черных тяглых дворах» и несущих тягло в полном объеме, и на тех, кто «платит в стол» — бобылей и нищих и описание каждой из них последовательно проводилось по отдельным улицам и переулкам от Нижней Бережной до Бережной Якиманской улицы. Описательная статья включала в себя сведения о дворовладельцах мужского или женского (вдовы) пола, их взрослых родственниках мужского пола (с выделением в отдельных, крайне редких случаях, несовершеннолетних дворовладельцев или их родственников), их имущественном положении — лучший, середний, худой, добре худой человек, размере двора и занятиях.

В дозорной книге 60-х годов все посадские люди с точки зрения их платежеспособности подразделялись на более дробные группы: тяглые люди, бобыли, нищие, пришлые люди, поселившиеся на посаде после эпидемии и пользовавшиеся в течение трех лет податными льготами. Специально были выделены запустевшие дворы и дворовые места. Сведения о каждой из групп давались в соответствии с ранее принятой топографической схемой — от одной Бережной улицы до другой. В описательной статье, на основе опроса земских старост и выборных посадских людей, сообщались те же, что и ранее, сведения об имени дворовладельца мужского или женского пола, его родственниках мужского пола (со специальным выделением в отдельных случаях недорослей), размере двора и занятиях.

Помимо этого было отмечено, кому принадлежал двор по писцовой книге 1627-1630 гг., переписной книге 1646 г., сколько человек мужского пола умерло в данном дворе во время эпидемии. Сравнение сведений о владельческой принадлежности и величине двора по ретроспективным записям в дозорной книге с данными самой писцовой книги позволяет констатировать их практически полную идентичность¹⁷, что было вряд ли возможно при использовании только устных показаний посадских людей. Вероятно, дозорщик кн. И. П. Вяземский имел в своем распоряжении список с писцовой книги 20-х годов, хранившийся в костромской земской избе¹⁸.

¹⁷ Единичные ошибки в написании имен типа Иван Загосткин — Иван Зобекин, Пронька Елисеев — Пронька Еремеев, Иван Иванов сын Двошерстов — Иван Иванов сын Двоетерский проистекают, скорее всего, из неточности прочтения текстов копиями XVIII в.

¹⁸ И. П. Вяземский имел, скорее всего, и список не сохранившейся до нашего времени переписной книги Костромы 1646 г. Наличие сведений из нее в соста-

Использование материалов писцового делопроизводства для характеристики деятельности черного тяглого населения и связанной с этим топографии посада неизбежно ставит перед исследователями вопрос о точности и достоверности данных писцовых книг о занятиях посадских людей в связи с крайней лаконичностью таких записей. Большинство историков, писавших о промыслах и торговле в русских городах XVII в., традиционно придерживались мнения, хотя и не останавливались специально на источниковедческом анализе писцовых книг, о возможности использования без особых оговорок этих сведений, не исключая, конечно, вероятности отдельных ошибок¹⁹. Однако в последнее время в отечественной историографии появился ряд работ, затрагивающих вопрос о сущности — прозвище или указание на реальную деятельность — определений типа «кузнец», «калачник», «строгальник» и т. п. писцовых и иных книг²⁰. Общий недостаток в рассуждениях авторов, на наш взгляд, заключается в отвлеченном, общетеоретическом подходе к имеющимся данным, стремлении дать единый ответ в отношении всех материалов писцового делопроизводства XVII в. Представляется, что более плодотворным будет внимательное изучение сведений каждой отдельно взятой книги с учетом ее вида (дозорная, писцовая, переписная) и привлечением, по возможности, для контроля других источников. Только после этого можно будет говорить о достоверном отражении писцами реальных занятий горожан.

ве дозорной книге 60-х годов XVII в. дает возможность реконструировать этот утраченный источник.

¹⁹ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... С. 97, 99 и др.; Волков М. Я. Ремесло и мелкотоварное производство... С. 215; Филатов В. Н. Города и посады нижегородского Поволжья в XVII веке. Горький, 1989.

²⁰ Чайкина Ю. И. Писцовые и переписные книги севернорусских городов второй половины XVII — начала XVIII вв. как историко-ономастический источник // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Тезисы выступлений на республиканской научной конференции. Вологда, 2-5 июня 1989 г. Ч. 2. Вологда, 1989. С. 56-58; Кошелев В. В. 1) Писцовые и переписные книги конца XV-XVII вв. о древнерусском скomorшестве // Тезисы докладов и сообщений III Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников (Вологда, 21-23 июня 1990 г.). Вологда, 1990. С. 60-64; 2) Антропонимика писцовых книг и проблема ее публикации // Рефераты докладов и сообщений VI Всероссийского научно-практического совещания по изучению и изданию писцовых книг и других историко-географических источников (Ферапонтово, 27-29 мая 1993 г.). СПб., 1993. С. 113-116; Нефедова Е. С. Новые данные о значении слова «кошельник» во второй половине XVII в. (по писцовым книгам) // Там же. С. 87-90; и др.

Записи костромской писцовой книги 20-х и дозорной книги 60-х годов XVII в. о профессиях посадских людей четко делятся на два вида: пространные и краткие. Пространная запись включает в себя одно имя дворовладельца в любом варианте (с отчеством и фамилией, прозвищем) и более или менее распространенную характеристику сферы его занятий. Например: «во дворе Федька Загостка, кожевник, и сын его Меркул, промысел их делают кожаное», «во дворе Иван Матвеев сын Рубцов да брат его Овдоким, торгует, отъезжая, большими свальными товарами», «во дворе Кондратий Опалихин, кожевник, торгует, отъезжая, большим свальным товаром и кожаное делает», «во дворе Алексей Иванов сын Семибратов, промысел его овчины делает», «во дворе Стенька vareжник, промысел его делает рукавишные вареги и чулки», «Федор Дерябин, оловянишник, промысел его делает оловянное»²¹. Краткие записи дают простое, однословное определение занятий: «Андрей Тюрюкин, масленик», «Пятый, караваечник», «Кирюшка, vareжник», «Тихон, кузнец»²².

Понятно, что в отношении первой группы записей можно не сомневаться в достоверности сообщаемых в них сведений. Сопоставление всех имеющихся в книгах кратких определений, стоящих сразу после имени-отчества-фамилии с идущими за ними развернутыми характеристиками занятий посадских людей выявило практически полное их совпадение. Несоответствие имело место всего в одном случае: занятия Якова Самылова сына, овчинника, были указаны как «солью и мылом торгует»²³. Представляется, что в данном случае ошибся копиист XVIII в., неверно прочитавший или отчество, или ремесленную специальность этого человека, а может быть, и случайно объединивший в одно лицо двух расположенных в подлинной писцовой книге рядом и носящих одно и то же имя владельцев дворов. В пользу второго предположения говорит тот факт, что в таможенной книге Великого Устюга 1635/36 г., действительно, зафиксирован некий костромитин Яков Андреев, торговавший в этом городе мылом²⁴.

Сложнее обстоит дело со второй, краткой, группой записей. В этом случае для выяснения соответствия определений писцовой и дозорной книг с реальной деятельностью посадских людей приходится привлекать сведения из других источников. Так, напри-

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 19 об., 21 об., 22, 26 об., 31 об., 33.

²² Там же. Л. 18, 28, 29 об.

²³ Там же. Л. 31 об.; Кн. 1123. Л. 122.

²⁴ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. С. 190.

мер, люди, зарегистрированные в писцовой книге как «иконники» — Петр и Иван Ивановы были известными костромскими иконописцами, принимавшими участие в росписи церкви Николы Надеина в Ярославле²⁵. Никифор Матвеев сын Гожев, названный в дозорной книге 1664/65 г. «медником», в 1665 г. изготовил и подписал одно из лучших произведений костромского декоративно-прикладного искусства второй половины XVII в. — кадило для церкви Николы Ратного, Андрей Антипин сын Жидовинов, серебряник, в 1652 г. по заказу Ивана Кузьмича Воронина сделал крест для церкви Василия Кесарийского²⁶.

Таким образом, краткая форма записи в писцовой и дозорной книгах, в целом, адекватно отражает общую сферу деятельности посадских людей, иначе говоря, человек, названный «масленником» вряд ли будет заниматься выделкой овчин, а кузнец — шитьем шуб. Тем не менее, в использовании подобных лаконичных определений может быть скрыта опасность допущения некоторых неточностей.

Как явствует из пространных записей, однословное обозначение скрывает в себе как занятия собственно ремеслом или торговлей, так и сочетание этих двух сфер деятельности. Например: «Яков Иванов сын Шуруканов, шапочник, промысел его делает шапки», «Захар Денисьев сын, масленик, промысел его масло бьет», но «Петр Давыдов сын, рукавишник, промысел его торгует в рукавишном ряду» или «Андрей Климов сын, мучник, промысел его торгует хлебом», «Пятый Иванов сын, сермяжник, промысел его сермяжное перекупает», «Стенька Ратманов сын, холщевник, промысел его холщевное перекупает»²⁷. Примеры можно и умножить, но совершенно очевидно, что при наличии только краткой записи о занятиях точно определить сферу деятельности человека — ремесленную или торговую — достаточно затруднительно.

Казалось бы, выяснение этого вопроса не имеет принципиального значения для характеристики экономической жизни посада, так как в исследованиях отечественных историков уже не раз указывалось на совмещение в XVII в. мелкими городскими производителями функций ремесленника и торговца, наличие у них одно-

²⁵ Брюсова В. Г. Русская живопись XVII в. М., 1984. С. 69.

²⁶ Разумовская И. М. Кострома. Л., 1989. С. 103; Постникова-Лосева М. М. Мастера-серебряники городов Поволжья XVII века. Ярославль, Нижний Новгород, Кострома // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 297.

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 33, 35, 36 об., 54, 54 об.

временно и мастерских, и лавок на городском торгу²⁸. Однако для характеристики топографии костромского, как и любого другого, посада, выявления облика его улиц в зависимости от занятий живших там людей, определение того, что же реально стоит за краткими сведениями писцовой книги, весьма важно.

Проведенное сплошное сопоставление всей терминологии писцовой книги 1627/28 г., относящейся к описанию занятий посадского населения, позволяет говорить, что однословная «ремесленная» характеристика населяющих черные тяглые дворы людей с ее последующим раскрытием, имеющим «торговый» смысл, встречается хотя бы один раз при определении тринадцати видов ремесла. Из 73 костромских посадских кожевников пропятерых, «лучших» и «средних» посадских людей, Кондратия Опалихина, Емельяна Григорьева сына Исакова (позднее — члена гостиной сотни), Василия и Александра Афанасьевых детей Мудростиных (позднее — членов гостиной сотни), Ивана Севостьянова сына Хохлю и Родиона Иванова сына Березина сказано, что они «торгуют, отъезжая, большими свальными товарами и кожевенное делают»²⁹. Занятия трех из восьми мыльников, Алексея Скрипкова, Федора Щапихина и Луки Архипова сына с детьми Иваном, Филатом и Федором, определены как «мыло варят и, отъезжая, торгуют» или «мыло варит и сидит в лавке за москотильным товаром». Включенность в сферу торговли отмечены также у «рыбника» Михаила Дмитриева сына, «мучника» Андрея Климова, «рукавишника» Петра Давыдова сына, «луковника» Фомы Яковлева сына, «масленика» Сергея Васильева сына, «холщевника» Стеньки Ратманова, трех «крупеников» — Сидора, Тимофея Ильина сына и Василия Логинова³⁰.

Следует сразу отметить, что, исходя из специфики производства, люди, обозначенные в писцовой книге как «дегтярь» и «соленик» без последующей расшифровки, в любом случае будут расцениваться нами как торгующие дегтем или солью, что совершенно естественно, так как добывать деготь можно было только вне города, на будных станах в лесах в окрестностях Костромы, и посадские предприниматели могли только скупать и продавать готовую продукцию. Соль же в Кострому доставлялась с соляных промыслов ряда костромских пригородов (Нерехта, Большая и

²⁸ См., напр.: Чистякова Е. В. Псковский торг... С. 199-200; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 133-222, 399-502 и др.

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 22, 23, 23 об., 24 об., 25.

³⁰ Там же. Л. 32-33, 34 об., 35, 35 об., 54 об.

Малая Соли) или через Вологду с севера. Точно так же к непроизводящей сфере будут относиться «ветошники» — те, кто торгуют ветошью, и «щепетильники» — те, кто торгуют щепетиньем, то есть мелким галантерейным товаром (иголками, булавками, лентами и т. д.)³¹, независимо от того, в какой форме, пространной или краткой, дается описание их занятий.

В отношении посадских людей иных специальностей в писцовой книге четко проводилось разграничение между занятиями ремеслом и торговлей. Так, «сапожниками» всегда назывались те, кто «делает сапожное», овчинниками — «делает овчинное», «серебряниками» — «делает серебряное», «кузнецами» — «делает кузнечное» и др. Люди, входящие в торговую сферу профессиональной деятельности, квалифицировались иначе — «торгуют в сапожном ряду, сидят в лавке за сапогами» (братья Дмитрий, Павел и Яков Шишкины), «торгует в подошвенном ряду, сидит в лавке за подошвами» (Андрей Дмитриев сын), «торгуют, сидят в лавке в железном ряду и в отъезд ездят, торгуют же» (братья Гатиловы)³², при этом никакого «ремесленного» термина в книге не употребляется.

Таким образом, исходя из того, что сведения в писцовую книгу заносились на основании опросов земских старост и выборных посадских людей, без сомнения, хорошо знавших основную направленность занятий своих соседей, будем считать простое определение, следующее за именем посадского человека, указанием на его занятия преимущественно ремеслом, даже если он имел свою лавку на городском торгу.

Очень важным вопросом при использовании писцовой и дозорной книг является вопрос о том, насколько полно отражаются в них занятия посадских людей ремеслами, промыслами или торговлей. При подсчете данных писцовой книги 1627/28 г. выяснилось, что из 2214 человек взрослых посадских людей, учтенных писцами, ремеслом занимались 989 костромичей, что составляет 44.7% от общего числа³³, торговлей — 118 человек (5.3%), в 1664/65 г. — из 1611 человек 682 (42.3%) отмечены как ремесленники, 115 (7.1%) как торговцы, то есть по сведениям писцовой

³¹ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб., 1882. С. 655; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987. С. 503.

³² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 31, 31 об., 32.

³³ При всех подсчетах учитывалось не только взрослое мужское население, но и вдовы, так как в писцовой книге есть сведения и об их занятиях.

книги можно определить род деятельности 50% черного тяглого населения, а дозорной — 49.4%. Интересно отметить, что достаточно близкие цифры (в процентном отношении) получены А. П. Мерзоном и Ю. А. Тихоновым при изучении писцовой книги 20-х годов XVII в. по Устюгу, по подсчетам которых «из посадских людей, учтенных писцами, ремеслом занимались 432 устюжанина, что составляет 50% общего числа жителей посада, охваченных описанием 1623-1626 гг.»³⁴. К торговле в это же время было причастно 124 человека³⁵ или около 14%. Таким образом, цифровые данные костромской писцовой книги 1627/28 г. в сравнении со сведениями материалов писцового делопроизводства других городов можно считать вполне удовлетворительными для характеристики занятий посадских жителей.

Если брать отдельные улицы посада Костромы, то степень подробности сведений писцовой документации о роде деятельности их жителей будет различной. Так, для Большой Бережной улицы (с переулками) сфера интересов определяется для 70.3% (62.4%)³⁶ ее жителей из числа тяглых людей, Боровой — 56.6% (58.3%), около «Бориса и Глеба» — 62.5% (41.7%), Ивановской — 61.4% (80.0%), Русиновой — 51.3% (37.1%), Никольской — 37.5% (65.0%), Покровской — 60.5% (45.6%), Игнатовой — 75.2% (45.3%), Стрелиной — 35.3% (59.5%), Кузьмодемьянской — 57.0% (43.0%), Гатиловой Немецкой — 66.6% (55.9%), Златоустенской — 46.6% (43.6%), Калачной — 38.3% (51.4%), Богоявленской — 34.8% (58.1%), Царевской — 27.2% (56.3%), Глазовой — 41.5% (41.1%), Подгородной — 50.0% (44.4%), Мшанской — 30.8% (52.7%), Брагиной — 50.0% (70.0%), Десятильничьей — 36.4% (56.4%), Варварской — 45.9% (48.2%), Бережной Якиманской — 52.9% (52.5%) и переулков около Бережной Якиманской — 52.9% (51.6%).

Наиболее подробно описана деятельность людей, живших на двух приволжских улицах с прилегающими к ним переулками и на улицах северо-восточного сектора посада, наименее — на улицах центральной и западной его части. Примерно такая же картина складывалась и при конкретной характеристике их занятий — подробные, «пространные» ее описания были более свойственны тем же двум Бережным и Боровой и улицам северо-востока — Ивановской, Русиновой, Покровской, Игнатовой.

³⁴ Мерзон А. П., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 44.

³⁵ Там же. С. 134.

³⁶ Вне скобок приведены данные по писцовой книге 1627/28 г., в скобках — по дозорной книге 1664/65 г.

Однако цифры писцовой и дозорной книг нельзя считать полными и исчерпывающими. В литературе не раз высказывалось вполне обоснованное мнение, что круг лиц, занятых ремесленным трудом, следует дополнить ближайшими родственниками ремесленников, живущих в тех же дворах, после имен или фамилий которых пропущено упоминание об их профессиях. Особенно это относится к семьям кожевников, кузнецов, специалистов мыловарения и т. д. К числу же людей, участвовавших в торговых операциях, следует причислять сыновей, племянников и других родственников, записанных во дворах своих родственников-купцов³⁷. Так, например, про Кузьму Пирогова и его сыновей Сергея и Афанасия в писцовой книге сказано, что все они кожевники, а во дворе кожевника Ивана Пелевина жили, кроме него самого, брат Тихон, сын Григорий и племянник Иван Борисов, профессии которых в писцовой книге не названы. В 1664/65 г. сын Григория, Никон Пелевин, вместе с братом Титом будут по-прежнему выделывать кожи³⁸. В одном дворе с братом Иваном был записан занимавшийся торговлей Евдоким (Яким) Матвеев сын Рубцов, но, как показывают материалы таможенной книги Вологды 1634-1635 гг., и Иван, о роде занятий которого писцовая книга умалчивает, принимал активное участие в деятельности брата: в этот период они вместе явили в Вологде 21 бочку «питья»³⁹. Примеры можно и умножить.

И, наконец, неполнота данных связана с простым отсутствием в писцовой и дозорной книгах, о чем уже не раз говорилось, каких-либо записей о занятиях посадских людей, которые, тем не менее, можно установить по другим источникам. Так, костромитин, «лучший» посадский человек Степан Опалихин, профессия которого в писцовой книге 20-х годов не указана, в 1634-1635 гг. явил в Вологде в проезд 27 подставов английских сукон, Никифор Кобяков — 25 косяков мыла и др.⁴⁰ И все же, несмотря на относительную неполноту, основными источниками при изучении топографии костромского ремесла и торговли будут оставаться писцовая 1627-1630 и дозорная 1664-1665 гг. книги в связи с тем, что сведения из дополнительных источников не поддаются точно-

³⁷ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 47, 134-135; Орехов А. М. Товарное производство... С. 84.

³⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 19, 22; Кн. 1123. Л. 3.

³⁹ Таможенная книга города Вологды 1634-1635 гг. Вып. 1. М., 1983. С. 158.

⁴⁰ Там же. С. 68, 142.

му статистическому учету и сравнению по состоянию на определенный момент.

Сделав несколько предварительных замечаний, перейдем теперь к конкретному рассмотрению особенностей топографии костромского посада. Как показывают данные писцовой и дозорной книг, уже первые две улицы, описанные в них — Большая Бережная и Боровая, с прилегающей к ним местностью «у Бориса и Глеба на монастыре» имеют ярко выраженный производственный характер, который можно было бы кратко назвать «в Кожевниках» (см. табл.). В 1627/28 г. в Большой Бережной улице из 226 посадских людей, занятия которых известны, с производством кож⁴¹ были связаны 132 человека (58.3%), при этом кожевники составляли 27.0% (61 человек), строгальники и гладильщик 15.0% (34 человека), дуботолки 6.6% (15 человек), работные люди 9.7% (22 человека). В Боровой улице, где насчитывалось 104 человека с указанными специальностями, в «кожевной» сфере деятельности участвовали 62 (59.6%) человека: 12 (11.5%) кожевников, 31 (29.8%) строгальник и гладильщик, 15 (14.4%) дуботолков, 4 (3.9%) овчинника и баранник. Два дуботолка, два сыромятника и три овчинника имели дворы по соседству «у Бориса и Глеба на монастыре» и на Русиновой улице. Таким образом, костромские специалисты кожевенного дела жили очень компактно, в строго определенном районе посада, практически не заходя на другие улицы, и их количество в целом в 20-годах XVII в. составляло 179 человек (без работных людей) или 18.3% учтенного писцовой книгой ремесленного населения посада (73 кожевника, 63 строгальника, 32 дуботолка, 2 гладильщика, 2 сыромятника, 6 овчинников, 1 баранник⁴²). Вне указанного района, в другой, центральной, части посада поселились всего два человека: строгальник на Царевской улице и баранник на Глазовой.

Несколько иначе обстояло дело с овчинниками. Как видно из таблицы, эти специалисты, в отличие от других, не были так уж строго привязаны к непосредственному месту выделки кож. В других частях посада и на других улицах их насчитывалось 17 человек, что значительно превосходит численность этих спе-

⁴¹ Технологические процессы производства кожи подробно описаны в литературе. См., напр.: Орехов А. М. Товарное производство... С. 78-83; Волков М. Я. Ремесленное и мелкотоварное производство... С. 218-219.

⁴² Наши результаты расходятся с данными М. Я. Волкова, по подсчетам которого в Костроме в 1627/28 г. имелось 68 кожевников, 27 дуботолков, 57 строгальников и 1 гладильщик (Волков М. Я. Ремесленное и мелкотоварное производство... С. 232).

специалистов в центре кожевенной промышленности. Особенно показательно большое количество овчинников — 7 человек — на Игнатовой улице, одной из улиц, непосредственно выходящих к «полю», где одновременно проживало и больше всего огородников — 16. Исходя из особенностей расселения костромских овчинников, можно предположить, во-первых, что на Бережной и Боровой улицах и прилегающей к ним местности занимались, в основном, выделкой кож из шкур крупного рогатого скота и лошадей, во-вторых, обработка небольших овечьих шкур не требовала участия в производственном процессе таких специалистов, как строгальники и дуботолки и позволяла овчинникам в работе обходиться собственными силами или силами своей семьи. И, наконец, конечный продукт их труда — готовые овчины — существенно отличался и по качеству, и по возможностям дальнейшего применения от выделанных кож. Из них изготавливали овчинные кафтаны, шубы, шапки, рукавицы (не случайно в таможенных книгах различались рукавицы-вареги и рукавицы барановые⁴³). Картина их расселения по территории костромского посада хорошо показывает тесную зависимость всех этих специалистов друг от друга. Так, характерен пример Бережной Якиманской улицы с прилегающими переулками и двумя соседними улицами — Десятильничьей и Варварской. Здесь в 1627-1630 гг. жили 3 шубника (напомним, еще три человека отмечены на Боровой и Ивановской улицах, где также имелись овчинники), 4 овчинника, 3 рукавищника, 6 шапочников (см. табл.).

Свой «кожевенный» облик две указанные улицы с прилегающей к ним местностью Кадкиной горой и частично Русиновой улицей, в целом, сохранили и к середине 60-х годов. В это время там проживали 42 кожевника, 17 строгальников, 1 дуботолк, 1 сырмятник, 6 овчинников, всего 67 человек. Правда, наблюдается и некоторое, хотя и весьма незначительное, рассредоточение специалистов по изготовлению кож в другие районы посада. Так, 5 строгальников, или около 1/3 от их количества из кожевенного района, имели дворы уже в противоположной, Сульской, части посада, на Мшанской, Десятильничьей и Варварской улицах. Два сырмятника жили на Царевской и Глазовой улицах и по-прежнему много овчинников (15 человек) числились среди жителей самых разных посадских улиц.

⁴³ Таможенная книга города Вологды. Вып. 1. С. 48-49 и др.

В специальной литературе не раз указывалось на непосредственную связь с кожевенной промышленностью производства кожаной обуви, одежды, предметов конской упряжи и т. д.⁴⁴ Как показывают костромские материалы, связь эта непосредственно отражалась и на расселении указанных специалистов по территории посада. На Большой Бережной и Боровой улицах вместе со специалистами кожевенного производства жили ремесленники, нуждавшиеся для выполнения своей работы в исходном сырье — обработанных кожах: сапожники (9 человек на Большой Бережной и 1 на Боровой улицах, рукавишники 11 и 5 человек, шапочники 3 и 1 человек, 4 подошвенника, мошеник и седельник на Бережной и 2 шубника на Боровой улицах). Об их заинтересованности в максимальном приближении к местам непосредственной выделки кож говорит и тот факт, что такие специалисты, как подошвенники, мошеник, седельник отмечаются практически только в этом районе костромского посада, а количество рукавишников и сапожников, живших практически повсеместно, именно на этих двух улицах, по сравнению со всеми другими, максимально. Если же учесть, что на двух соседних улицах — Ивановской и Русиновой жили еще 13 сапожников и 5 рукавишников, то, в общей сложности, в этом районе было сосредоточено более половины всех костромских сапожников по книге 1627/28 г. и почти половина рукавишников. В целом, специалисты по изготовлению изделий из кожи в Бережной улице составляли 12.8%, а на Боровой — 13.4%. Здесь же жили и такие спутники кожевенного производства⁴⁵, как представители мыловаренного (на Бережной улице), а впоследствии и свечного промыслов (на Боровой улице). Интересно отметить, что на соседней Ивановской улице имели дворы четверо из пяти костромских специалистов по обработке кости — гребенщики, также тесно связанные в своей работе с процессом обработки туш животных.

По-видимому, взаимная обусловленность существовала и между изготовлением кож и валянием войлока. Как известно, первым этапом при выделке кожи было освобождение шкур от шерстяного покрова, который и составлял необходимое сырье для войлочников. Не случайно, поэтому, развитие войлочного промысла в городе происходило именно в районе массового расселения кожевников, и проживание всех зарегистрированных в 1627-1630 гг.

⁴⁴ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... С. 99; Орехов А. М. Товарное производство... С. 77.

⁴⁵ См.: Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... С. 99.

17 человек и подавляющего большинства в 1664/65 г. — 8 человек (1 войлочник жил на Царевской улице) специалистов по изготовлению войлока, приходилось на эти же улицы. В целом, в Костроме обращает на себя внимание большое число людей, занятых изготовлением войлока. По сравнению с другими центрами кожевенного производства (в Нижнем Новгороде по писцовой книге 1621 г. числилось 2 войлочника, по окладному списку 1635 г. — 3, в Устюге Великом по писцовой книге 1623-1626 гг. — 1 человек, во второй половине XVII в. не отмечены, в Ярославле в 1646 г. — 7 человек, в 1668 г. — 14 человек⁴⁶) костромские войлочники занимают в общей структуре посадского ремесла довольно заметное место, что позволяет говорить о Костроме как о центре войлочного производства. Об этом же свидетельствуют данные вологодской таможенной книги: в 1634-1635 гг. в этом городе 10 человек костромичей продали 329 больших и малых войлоков⁴⁷, в то время как один ярославец привез всего 1 войлок⁴⁸, а в явках нижегородцев, устюжан, галичан и других подобная продукция не отмечена вообще. В таможенной книге Устюга Великого 1633/34 г. зарегистрирована всего одна явка 3 войлоков ветлужанином Федором Лукьяновым⁴⁹. Интересно отметить, что по соседству с Большой Бережной и Боровой улицами на Кадкине горе и Ивановской улице в 20-х годах жили 3 епанечника — половина от всех учтенных в писцовой книге, а в 1664/65 г. 2 епанечника числились на Боровой улице, а 3 — на Ивановской улице. Вряд ли случайно то, что специалисты по изготовлению валяных плащей — епанчей — селились рядом с изготовителями необходимого им в работе сырья. Возможно, что и семеро из 17 шапочников именно по этой же причине имели дворы в данном районе посада.

В отечественной историографии, посвященной истории развития ремесла, несколько десятилетий идут споры о возможности отнесения ряда специальностей к сфере кожевенного производства, в частности, таких узких специалистов, как красильники. Л. В. Данилова и А. М. Орехов, основываясь документах двор-

⁴⁶ Орехов А. М. Товарное производство... С. 80; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 47; Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... Приложение. Табл.

⁴⁷ Таможенная книга города Вологды. Вып. 1. С. 48, 123, 129, 135 и др.; Вып. 2. С. 353, 388, 392, 407 и др.

⁴⁸ Таможенная книга города Вологды. Вып. 1. С. 216.

⁴⁹ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. С. 44.

цового кожевенного завода на р. Клязьме, отмечают, что среди рабочих этого завода упоминались красильники, и полагают, что данные специалисты занимались отделкой и окрашиванием выдубленных кож⁵⁰. Вместе с тем, А. М. Орехов пишет о том, что нижегородские источники «не проводят сколько-нибудь заметного различия между красильниками кожевенного производства и красильниками, занимавшимися крашением тканей»⁵¹. Иной точки зрения придерживается М. Я. Волков, который указывает, что в источниках XVI-XVII вв. красильниками назывались специалисты, занимавшиеся окраской тканей и изделий из них, подчеркивает, что в Вологде, Костроме и иных городах в первой половине XVII в. «имеются только красильники и колотильщики»⁵², и предлагает поэтому считать красильников работниками не кожевенной, а текстильной промышленности⁵³. На наш взгляд, при очень кратких определениях занятий «красильников» в писцовых книгах, не стоит всех специалистов, скрывающихся под этим термином, пытаться обязательно записать только в одну группу. Вопрос можно решить, отмечая в каждом конкретном случае место жительства того или иного красильника с учетом общего «ремесленного» облика данной улицы или района. Так, специалисты по окрашиванию кож будут, скорее всего, жить среди кожевников, а те, кто занимаются тканями — там, где сосредоточены соответствующие специалисты — холщевники, колотильщики, льняники и т. д. И хотя такой способ, может быть, и не даст абсолютной точности, но послужит ступенькой для дальнейших изысканий сущности занятий красильников по другим источникам.

Таким образом, обработка животного сырья, сосредоточенная на двух улицах костромского посада, представляет собой целый связанный технологический процесс, обусловивший поселение по соседству друг с другом обширного круга ремесленников, занятых в различных сферах производства, но объединенных между собой самим исходным сырьем. А. М. Орехов, рассматривая единый

⁵⁰ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... С. 98; Орехов А. М. Товарное производство... С. 82.

⁵¹ Орехов А. М. Товарное производство... С. 82.

⁵² М. Я. Волков допускает некоторую неточность: в писцовой книге Костромы 1627-28 г. помню 15 красильников и 20 крашенных колотильщиков зафиксированы 2 крашенинника — братья Афанасий и Парфений Максимовы дети Костицыны, жившие на Покровской улице (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 32).

⁵³ Волков М. Я. Ремесленное и мелкотоварное производство... С. 230-231.

производственный процесс, связывавший строгальников, дуботолков, гладильщиков, отмечал, что они «могли выполнять работу только будучи сосредоточенными в одной мастерской. Разделение труда, существовавшее между ними, следует признать разделением мануфактурного типа»⁵⁴. Как показывают материалы костромской писцовой книги, эти узкие специалисты все же не входили в состав какой-то одной кожевенной мастерской, тем более, что в 20-х годах в Костроме на посаде кожевенные дворы не были отмечены. Живя в непосредственной близости друг от друга в этот период они, по-видимому, еще могли без особых затруднений работать на своих дворах, передавая обработанное сырье друг другу. Поэтому представляется более справедливым мнение М. Я. Волкова о том, что в первой половине XVII в. такие узкие специалисты выступали в качестве самостоятельных производителей⁵⁵.

Определяя общий облик двух первых описанных в писцовой книге улиц посада Костромы, специалисты кожевенного производства были, разумеется, не единственными их обитателями. Как показывают данные писцовой книги, здесь, как и во многих других местах посада жили люди, занятые обработкой и продажей продуктов питания, четверо иконописцев и серебряник, несколько человек, ведущих крупную отъезжую торговлю. Среди них стоит особо отметить трех мясников с Бережной улицы и живших по соседству, на Кадкиной горе и Русиновой улице еще 9 мясников, то есть всего 12 человек или 52.2% от всех костромских посадских мясников, в 1664/65 г. в этих же местах проживали 9 (33.3%) всех мясников. И это вряд ли случайно. Говоря о Ярославле, Л. В. Данилова связала большое количество тамошних мясников с нуждами кожевенной промышленности⁵⁶. То же самое можно сказать и о Костроме.

Показателен пример перемены места жительства одним из крупнейших мясников Костромы, «средним» посадским человеком Иваном Петровым сыном Беляевым. Семья костромичей посадских людей Беляевых жила в Ивановском переулке на Кадкиной горе, где находились дворы Павла, Ивана, Григория и умершего ко второй половине 20-х годов Василия Беляевых, причем «мясником» назван только Иван Беляев. К моменту составле-

⁵⁴ Орехов А. М. Товарное производство... С. 83. Ранее то же мнение высказывалось Л. В. Даниловой (*Данилова Л. В.* Мелкая промышленность и промыслы... С. 95-97).

⁵⁵ Волков М. Я. Ремесленное и мелкотоварное производство... С. 237.

⁵⁶ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... С. 103.

ния писцовой книги он оставил свой «родовой» двор, где остался его брат Григорий, а сам, получив по закладной двор посадского человека Василия Власьева на Бережной улице, переселился туда и стал жить в окружении дворов кожевников Ивана Пелевина, Артемия Скорнякова, братьев Гаврилы и Кузьмы Прибылых, людей, непосредственно заинтересованных в приобретении шкур. К 1646 г. в этот двор перешел жить в качестве подручного другой его брат, владелец собственного двора на Кадкине горе, Павел Беляев. К середине 60-х годов XVII в. Иван Петрович Беляев, продолжавший поставлять сырье для кожевников, присоединил к своему двору двор сына соседа, кожевника Артемия Скорнякова, Тимофея, умершего во время эпидемии, и жил в них вместе с сыновьями Дмитрием, Степаном, племянником Алексеем и шурином Иваном⁵⁷. И в писцовой, и в дозорной книгах И. П. Беляев назван, как уже отмечалось, просто «мясником». Тем не менее, его переселение в район кожевенного производства и явное расширение собственного дела дают основание думать, что в реальности подобное определение рода занятий могло скрывать как ремесленника, специализирующегося на забое, разделке и торговле скотиной, так и человека, основное внимание которого было направлено на поставку исходного сырья кожевникам. Представляется, что учитывая место жительства и ближайшее окружение, И. П. Беляев отдавал предпочтение именно второму возможному направлению своей деятельности.

Та же Л. В. Данилова отметила, что относительно квасников и кисельников «нельзя точно сказать, кого имеют в виду переписи — специалистов по изготовлению продуктов питания или продавцов химических веществ, употреблявшихся в кожевенном производстве»⁵⁸. К определению рода занятий и этих специалистов, с нашей точки зрения, следует подходить дифференцированно, обращая внимание на место их поселения. Так, по данным писцовой книги 1627-1630 гг. на посаде Костромы отмечено всего 4 кисельника, живших в Сульской части посада на Подгородной, Десятильничьей и Варварской улицах⁵⁹, термин «квасник» не встречается ни разу. В то же время приготовлением дуба (толчение ивовой, дубовой или ольховой коры, ее просеивание, просушивание, а также изготовление особого «киселя» из овсяной муки и квасной гущи) занимались 32 человека,

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 19; Кн. 1123. Л. 4.

⁵⁸ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... С. 106. Прим. 161.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 48, 51 об., 52.

имевшие дворы исключительно на Бережной и Боровой улицах в северо-восточной части посада. К середине 1664/65 г. в городе остался по сведениям дозорной книги всего один дуботолк, но зато на Бережной и Боровой улицах появились 7 квасников и еще 6 человек жили в относительной близости к указанным улицам, на Кадкине горе и в Никольской улице⁶⁰, в то время как на остальном посаде их числилось только 5 человек. М. Я. Волков, обративший внимание на уменьшение количества узких специалистов (гладильщиков, строгальников, дуботолков) в разных центрах кожевенной промышленности во второй половине XVII в., объясняет этот факт возникновением крупного производства в кожевенной промышленности и ростом применения в ней наемного труда, которые «повлекли за собой исчезновение узких специалистов как категории самостоятельных производителей»⁶¹ и переход их в разряд «рабочих людей» с соответствующей записью в переписных книгах.

Однако, как показывает анализ костромских материалов, дело могло обстоять и несколько иначе. Проследим удельный вес различных специалистов кожевенного дела: в 20-х годах из 198 человек, занятых в кожевенной промышленности, вне зависимости от их местожительства, кожевники составляли 36.9%, строгальники и гладильщики — 33.3%, дуботолки — 16.2%, сыромятники — 1.0%, овчинники и баранники — 12.6%. В 1664/65 г. из 90 человек: кожевники — 46.7%, строгальники — 24.4%, дуботолки — 1.1%, сыромятники — 3.3%, овчинники и баранники — 24.4%. Как видно из приведенных цифр, резко сократилась доля дуботолков, что же касается других узких специалистов, в частности, строгальников, то их удельный вес понизился по сравнению с 20-ми годами не так уж много.

В то же время очень трудно объяснить внезапное возникновение большого числа квасников именно в центре кожевенного производства или рядом с ним, если считать их исключительно специалистами по приготовлению прохладительного напитка. Скорее, стоит предполагать, что к середине XVII в. могла измениться технология приготовления дубильных веществ для обработки кож и соответственно этому поменялась терминология учетных документов: место дуботолков заняли квасники. Если это предположение верно, то 13 квасников с Бережной, Боровой, Никольской улиц и

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 39 об., 40, 41, 48 об., 52 об., 59, 60.

⁶¹ Волков М. Я. Ремесленное и мелкотоварное производство... С. 238.

с Кадкиной горы составят 14.4% от прочих специалистов кожевенного производства, то есть примерно столько же, сколько в 1627-1630 гг. составляли дуботолки.

Таким образом, район костромского посада, состоявший из Большой Бережной и Боровой улиц с прилегающими к ним местностями, объединял целый конгломерат связанных родом своей деятельности ремесленников. В «Кожевниках» жили рядом друг с другом не только специалисты собственного кожевенного и вспомогательных производств, но и люди, обрабатывающие практически все виды отходов от переработки животного сырья (войлочники, гребенщики, мыльники), специалисты по изготовлению одежды, обуви и т. д. из кожи, войлока, шерсти, а также те, кто поставлял сырые кожи.

Определив место Большой Бережной и Боровой улиц в структуре костромского посада с точки зрения занятий населяющих их людей, следует остановиться и на особенностях расположения отдельных дворов на каждой из них. С первого взгляда видны достаточно четкие различия между двумя улицами, сохраняющиеся на протяжении 20-60-х годов XVII в.: на Бережной улице жило больше кожевников и связанных с обработкой первоначального сырья и готовых кож специалистов — войлочников, сапожников, рукавишников, мыльников и т. д. Здесь в 1627-1630 гг. стояли дворы крупнейших костромских кожевников, «лучших» и «средних» людей, сочетавших кожевенный промысел с ведением отъезжей торговли: Емельян Григорьев сын Исаков, вдова Афанасия Мудростина с сыновьями Василием и Александром, Иван Севастьянов сын Хохол, Кондратий Опалихин⁶². В 1664/65 г. на этой улице возникли три костромских кожевенных двора, принадлежавшие Ивану Ефимьеву сыну Посникову, Ивану Карпову сыну Фокину и сыну Емельяна Исакова Василию⁶³. Боровую же улицу преимущественно заселяли такие узкие специалисты, как строгальники и дуботолки.

Расположение отдельных дворов на этих улицах на первый взгляд кажется хаотичным, но при более внимательном рассмотрении можно заметить если и не строгую систему, то определенную закономерность. Так, писцовая и дозорная книги показывают, что дворы специалистов кожевенного производства занимали эти улицы не с самого их начала, а примерно от церкви Николы

⁶² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 22, 23, 23 об., 24 об.

⁶³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 5, 8 об., 10.

Мокрого и до конца улиц, до речки Черной. В начале же Бережной и Боровой улиц, около стен Старого Города ближе к городскому торгу жили в основном калачники, масленики и другие специалисты изготовления продуктов питания, рыболовы, те, кто занимался отъезжей торговлей, торговлей солью, иконописцы⁶⁴.

Еще одна интересная особенность наблюдается и в расположении дворов отдельных специалистов относительно друг друга. Так, в выходящем на Бережную улицу Чулкове переулке в 1627-1630 гг. подряд стояли 9 дворов кожевников, затем шли вперемешку дворы строгальников (причем три двора располагались рядом друг с другом), дуботолков, рабочих людей, а в конце переулка опять непосредственно граничили друг с другом 7 кожевнических дворов⁶⁵. В 1664/65 г. около церкви Николы Мокрого стояли рядом, помимо упоминавшихся двух специализированных кожевнических дворов, дворы еще 8 кожевников⁶⁶. В Ляпихине (Манихине) переулке, расположенном в районе Черной речки и соединявшем, по-видимому, Бережную и Боровую улицы, в 20-х годах XVII в. находились 8 из 15 дворов записанных на Бережной улице войлочников, а в 1664/65 г. — дворы всех 6 зарегистрированных там войлочников⁶⁷. Также рядом друг с другом жили на Бережной улице появившиеся по данным дозорной книги 60-х годов квасники — дворы четырех из них стояли по соседству (два двора и два двора, разделенные двором портного) на самой улице, а один — через три двора от них, в начале Чулкова переулка⁶⁸. Вряд ли это случайно. Развитие специализации в обработке животного сырья и выделке кож вело к появлению в одном большом районе посада, объединенном в целом понятием «в Кожевниках», как бы отдельных микрорайонов, собиравших посадское население, занимавшееся, действительно, одним и тем же видом ремесла. Такое соединение вместе дворов специалистов по обработке и выделке кож, войлока, изготовлению дубильных веществ вызывалось, по-видимому, созданием более удобных условий для их работы. Сосредоточение одних и тех же специалистов в одном месте облегчало доставку и получение сырья или готовой продукции, давало возможность оказывать друг другу необходимую помощь.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 19 об.

⁶⁵ Там же. Л. 19-22.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 5-9.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 22-23 об.; Кн. 1123. Л. 44 об.-46.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 39 об.-40 об.

Вторым районом в ремесленной топографии костромского посада можно выделить район с преобладанием специалистов металлообработки. Костромские кузнецы, как видно из данных писцовой и дозорной книги (см. табл.), не занимая такого же компактного пространства, как кожевники, все же в целом селились в одном секторе посада, выходящем «к полю», который образовывался Русиновой улицей с одной стороны, Кузьмодемьянской и Златоустенской — с другой и включал в себя, помимо названных, Никольскую, Покровскую, Игнатову, Гатилову Немецкую⁶⁹ и Стрелину улицы с переулками, частично захватывая и Калачную улицу. На указанных улицах жили практически все посадские кузнецы — 76 человек (1 — в Боровой улице) и почти все (за исключением 3 котельников) узкие специалисты металлообработки — замочник, оловяннижник, 2 ножевщика, котельник, 6 молотовщиков, скобеник и 2 гвоздаря. В целом, в 1627/28 г. специалисты металлообработки составляли в Костроме 8.6% посадских людей, занятия которых известны.

Наибольшее сосредоточение дворов кузнецов и кузниц в 1627/28 г. было характерно для Русиновой — 15 кузнецов и 9 кузниц, Игнатовой — 11 кузнецов, 2 молотовщика, скобеник и 10 кузниц, Гатиловой — 11 кузнецов и 10 кузниц, Кузьмодемьянской — 17 кузнецов, 2 молотовщика, 2 гвоздаря и 18 кузниц, Златоустенской — 7 кузнецов, 2 ножевщика и котельник. Однако и на этих улицах, центрах сосредоточения кузнечного промысла, специалисты по изготовлению изделий из металла, занимая значительное место среди посадских людей иных профессий, все же не играли такой главенствующей роли, как кожевники на своих двух улицах. В Златоустенской улице они составляли 58.8%, Гатиловой — 50%, Кузьмодемьянской — 44.7%, Русиновой — 25%, Игнатовой — 14.7%.

Правда, следует отметить, что Кострома никогда не считалась особенно крупным центром кузнечного производства, поставлявшим свои изделия на широкий рынок, в XVII в. эта роль в Восточном Замосковье отводилась Галичу, Соли Галицкой и костром-

⁶⁹ Гатилова улица, шедшая от церкви Козьмы и Демьяна, от начала Кузьмодемьянской улицы к «Городу», получила свое название, по-видимому, по фамилии костромичей посадских людей Гатиловых, живших в ее начале. В 20-х годах XVII в. в писцовой книге двор этой семьи, средних людей Петра, Тита, Ивана Петровых детей и Ивана и Семена Гатиловых, был записан в начале Никольской улицы, соединяющейся у крепостных стен с Гатиловой (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 31).

ским пригородам⁷⁰, хотя по общему числу кузниц — 72 на всех улицах в части посада, выходящей к «полю» — она не только не уступала таким центрам металлообработки, как Устюг (48 кузниц в 20-х годах XVII в.)⁷¹ или Нижний Новгород (46 посадских кузниц в 1629 г.)⁷², но и превосходила их. Костромские кузнецы обслуживали, в основном, повседневные потребности городского населения. Не случайно, в таможенной книге Великого Устюга 1635/36 г. только в одной явке костромича Григория Федорова были отмечены 40 сковород⁷³, а в Вологду в этот же период шесть костромичей привезли 950 железных (вероятно, судовых) скоб, 15 сковород и 10 железных поварниц⁷⁴. Чтобы понять, много это или мало, отметим, что, например, в 1624/24 г. только на сольвычегодском рынке верхотурский таможенный подьячий Петр Третьяков и стрелец Иван Разум купили 22 тысячи судовых скоб⁷⁵.

Развитие кузнечного ремесла обусловило преимущественное поселение на этих улицах таких, казалось бы, далеких от обработки металла специалистов, как варежники. Вряд ли случайно, что 7 из 10 костромских посадских варежников жили именно на Кузьмодемьянской и Златоустенской улицах, местах сосредоточения кузниц. Известно, что водоливы, качавшие соляной рассол из рассолоподъемных труб на промыслах, работали в специальных «варегах», сделанных из сермяжного сукна⁷⁶. Точно также нуждались в защите рук кузнецы, молотобойцы и др., связанные с обработкой разогретого металла. Отсюда понятно и скопление тех, кто делал «вареги», в Кузьмодемьянской и Златоустенской улицах, в отличие от рукавишников, живших по всему посаду.

Если внимательно присмотреться к расположению кузниц по территории достаточно большого указанного района костромского посада, то в нем можно выделить два подцентра кузнечного ремесла. Один будет составлять половина Русиновой улицы, где подряд стояли 8, затем 2, затем 3 кузницы, конец Никольской

⁷⁰ Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство... С. 177; Очерки истории СССР. XVII век. С. 61-61; Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI-XVII вв. С. 8-9.

⁷¹ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 49.

⁷² Филатов Н. Ф. Города и посады... С. 42.

⁷³ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. С. 189.

⁷⁴ Таможенная книга города Вологды. Вып. 1. С. 31, 63, 75, 121, 123, 151.

⁷⁵ Очерки истории СССР. XVII век. С. 62.

⁷⁶ Там же. С. 77.

улицы с 2 кузницами и расположенная между ними Покровская улица с 4 кузницами. Правда, на этой улице кузницы стояли не рядом друг с другом, а в окружении дворов других специалистов. Так, рядом с двором кузнецов братьев Ефима и Павла Великановых находились дворы делавшего рукавишные вареги и чулки Стеньки vareжника и Андрея Горшкова с сыновьями Макаром и Обросимом, торговавших хлебом и растивших солод⁷⁷. Второй подцентр будут образовывать Кузьмодемьянская улица и две улицы, как бы продолжавшие ее в разные стороны — Игнатова к «полю» и Гатилова — к центру города, и примыкавшая к ним в районе Медного пруда Златоустенская улица. На Игнатовой улице кузницы стояли, в основном, по две, чередуясь с дворами других ремесленников, ближе к центру города. На Гатиловой и Кузьмодемьянской улицах они образовывали группы по 3-5 дворов с кузницами. Так, в начале и Кузьмодемьянской, и Гатиловой улиц стояли по 5 дворов с 6 кузницами⁷⁸. В Златоустенской улице все 8 кузниц во дворах посадских людей стояли рядом, рядом же располагались дворы и более узких специалистов — Льва и Ивана ножевщиков, каждый из которых имел свою кузницу⁷⁹.

В литературе существует мнение, что специфика кузнечного ремесла требовала сосредоточения кузнецов в одном месте, в удалении от жилых районов, за городской чертой, неподалеку от воды, вдоль берега реки⁸⁰. Как показывает пример Костромы, посадские кузнецы могли жить и иначе — их кузницы стояли среди прочих посадских дворов, располагаясь достаточно разбросанно друг от друга и не образуя фактически особой слободы, они могли стоять как в конце посадских улиц у «поля», так и в их середине или в начале, то есть в центре посада. Особенно ярким примером Гатиловой улицы, где первые две кузницы во дворах посадских людей располагались сразу же за укреплениями Нового города рядом с кабацким двором, а между ними находился двор подьячего Григория Савина⁸¹. В то же время в Кузьмодемьянской улице около источника воды — Медного или Кузьмодемьянского пруда — в 20-е годы XVII в. не отмечено ни одного двора кузнеца с кузницей⁸².

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 33.

⁷⁸ Там же. Л. 36 об.-38, 39-40 об.

⁷⁹ Там же. Л. 41-41 об., 43.

⁸⁰ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI-XVII вв. С. 16-20.

⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 36 об.-37; Кн. 1123. Л. 19 об., 70 об.-71.

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 39 об.-40.

В 1664/65 г. секторы посада, образованные Русиновой и Кузьмодемьянской улицами, в целом сохранили свой характер районов расселения специалистов металлообработки. В то же время, как показывает дозорная книга, в топографии кузнечного ремесла произошли некоторые изменения. В значительной мере утратили свой «кузнечный» облик центральная для 20-х годов XVII в. Кузьмодемьянская улица, где по дозору 60-х годов числилось 3 кузнеца (9.7% от живших на ней посадских людей, занятия которых отмечены) и Златоустенская — 2 кузнеца (10.5%). В Игнатовой улице жили 9 молотовщиков и была всего одна действующая кузница. И только одна улица — Гатилова — со своими 8 кузнецами, 3 молотовщиками (вместе — 40.7%) и 10 кузницами по-прежнему являлась сосредоточением кузнечного ремесла. Здесь же, в Кузьмодемьянской и Златоустенской улицах продолжали жить 2 из 3 костромских варежников. В то же время металлообработка сохранилась в другом выделенном нами подцентре — в Русиновой, Никольской и Покровской улицах и распространилась в сторону приволжских улиц. На Кадкине горе и Ивановской улице по дозору 1664/65 г. в одном дворе с кузницей жили кузнецы костромские посадские люди Федор Фадеев Десть с сыновьями Тимофеем, Парфеном и Иваном, а в другом дворе — посадский человек из Любима, кузнец Григорий Федоров, также имевший свою кузницу⁸³.

Изменения в топографии дворов костромских специалистов кузнечного дела, резкое сокращение их, если не полное исчезновение, на ряде улиц не случайны. После эпидемии чумы 1654-1655 гг. по данным дозорной книги к середине 60-х годов XVII в. численность людей, занятых металлообработкой, сократилась вдвое, до 46 человек против 95 в 1627-1630 гг., и в общей структуре занятий посадских людей удельный вес кузнечного ремесла стал составлять всего 5.8% вместо 8.6% в 20-х годах. Потери, безусловно, существенные, но в эпидемию умирали представители и иных профессий, доля которых в общем объеме все-таки не падала столь значительно. Так, например, половину своего состава потеряли рукавишники (45 человек в 1627-1630 гг. и 23 в 1664/64 г.) или, допустим, портные (32 и 15 человек), но их удельный вес упал с 4.1% до 2.9% в первом случае, и с 2.9% до 1.9% во втором. Трудно предположить, что чума особенно сильно затронула именно людей, связанных с обработкой металла, и, на

⁸³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 53 об., 170.

наш взгляд, падение уровня кузнечного дела в Костроме обусловлено не только высокой смертностью кузнецов во время эпидемии, но и внутренними закономерностями развития различных видов ремесла в городе.

Значительную часть жителей улиц — центров кузнечного ремесла — составляли посадские люди, названные в писцовой и дозорной книгах «огородниками». В 1627-1630 гг. в Покровской улице жили 13 огородников (17.8% всех посадских людей с отмеченными занятиями), в Игнатове улице — 18 человек (20.9%), в Кузьмодемьянской улице — 7 человек (13%). Всего в Костроме в этот период насчитывалось 46 огородников, то есть в этой отрасли производства было занято 4.2% процента посадских людей. По сравнению с другими городами, цифра очень большая. Например, в Устюге по писцовой книге 1623-1625 гг. имелся всего 1 огородник. А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов совершенно справедливо отмечают, что «предположить возможность пропусков со стороны писцов в данном случае нет оснований»⁸⁴, и объясняют этот факт особенностями топографии великоустюжского посада, который находился, в основном, внутри «большого острога», в результате чего посадские люди не могли расширять свои земельные угодья, а малоземелье на посаде усугублялось и разливами Сухоны, размывавшей берега⁸⁵. В Ярославле в 1646 г. также числилось очень немного огородников, всего 2 человека⁸⁶, хотя для этого города вряд ли можно говорить о скученности посадских дворов внутри линии городских укреплений, значительная часть улиц ярославского посада, как и костромского, выходила «в поле». Н. В. Филатов вообще не отмечает (или не обращает внимания) подобного занятия среди нижегородских посадских людей. Получается, что столь сильное развитие «огородничества» в сравнении с рядом других крупных городов, действительно, было особенностью структуры костромского посадского ремесла и поэтому стоит подробнее остановиться на сути понятия «огородник» и определении содержания их деятельности, тем более, что сам термин в писцовой книге достаточно расплывчат.

В историографии утвердилось мнение о сохранении тесной связи большинства посадских людей с занятиями сельским хозяйством как подсобным промыслом на протяжении всего XVII в., что выражалось в постоянном присутствии огородов при посад-

⁸⁴ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого. С. 122.

⁸⁵ Там же. С. 123.

⁸⁶ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... Приложение. Табл.

ских дворах, наличии посадских выгонных земель и оброчных угодий рядом с городом⁸⁷. Все это — огороды, выгонные земли, оброчные «полянки» — существовало и на костромском посаде, однако для относительно большей части его населения занятие сельским хозяйством на городской территории уже в 20-х годах XVII в. стало основным источником существования⁸⁸.

Все костромские огородники жили очень компактно, рядом друг с другом, и, как правило, их дворы стояли последними в ряду других дворов в части своих улиц (Покровская, Игнатова, Кузьмодемьянская), выходящих к «полю»⁸⁹. Основное занятие огородников в писцовой книге определялось, как «огород пашут» или «кормятца работою, огород пашут». М. Б. Булгаков, обратившийся к писцовым книгам 20-х годов XVII в. для характеристики экономического положения посадских людей на примере Ростова Великого, отмечал, что «занятия огородничеством отражены писцами такими замечаниями: «пашет лук и чеснок, тем кормитца», «пашет огурцы и капустенку, тем кормитца» и т. д., то есть налицо натуральный подсобный характер огородничества для любой прослойки посадских людей — торговцев, ремесленников, наемных работников»⁹⁰. Думается, что подобная терминология писцовой книги как раз и скрывает людей, профессионально занимавшихся огородничеством, основным источником существования которых была продажа, а не только собственное потребление, своей продукции. В противном случае, писцы просто фиксировали наличие и размер огорода, совершенно не интересуясь ассортиментом овощных культур, выращиваемых там посадскими людьми.

Занятия нескольких человек костромских посадских людей описаны более сложно: в Игнатовой улице Захар Денисьев сын «масло бьет и огород пашет», из трех братьев Кукомякиных, имевших три двора, двое — Федор и Кузьма — названы просто

⁸⁷ См., напр.: Булгаков М. Б. Промыслово-торговые связи белозерского посада с округой в XVII в. // *Русский город. Вып. 2. М., 1979. С. 200-201.*

⁸⁸ Большой удельный вес «огородной работы» среди других занятий посадских людей Дмитрова отмечает М. Н. Тихомиров, правда, используя при этом данные переписной книги более позднего времени — 1705 г. (*Тихомиров М. Н. Население Дмитрова в XVII и начале XVIII века // Тихомиров М. Н. Российское государство XV-XVII веков. М., 1973. С. 276.*)

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 32-34 об., 39 об.-40 об.

⁹⁰ Булгаков М. Б. Опыт количественного анализа экономического состояния ростовских торговцев в первой половине XVII в. // *История и культура Ростовской земли. 1994. Ростов, 1995. С. 88.*

огородниками, а третий — Будило — «огород пашет и скотину перекупает», из живших в одном дворе братьев Сысовых Петр Гаврилов сын «огород пашет», а Степан Гаврилов сын «овчины делает», Исачко Еремеев с Игнатовой улицы и Андрей Горшков с сыновьями Макаром и Обросимом с Покровской улицы «огород пашут» и «солод растят и торгуют»⁹¹. Здесь же, на Покровской и Игнатовой улицах жили, кроме Захара Денисьева, еще 5 человек, которые «масло бьют и торгуют», то есть половина всех костромских маслеников и семеро из девяти крупеников, чьи занятия определялись как «торгуют крупой» или «делают крупы на торг». На Покровской, Игнатовой и Кузьмодемьянской улицах стояли дворы людей, связанных исключительно с торговлей и скупкой сельскохозяйственной продукции или сырья — двух из четверых мучников, торговавших хлебом, двух человек, про которых сказано «торгует хлебом и солод растит», двух человек, торговавших луком и чесноком, четверых из девяти скупщиков скотины и двух скупщиков сырых кож, наконец, к ним следует добавить 10 человек овчинников с Покровской и Игнатовой улиц, о которых говорилось выше⁹².

Представляется, что такое объединение «огородников» и торговцев продукцией сельского производства на одних и тех же улицах закономерно и объясняется рядом факторов. Эти улицы, выходявшие непосредственно к землям вокруг города, давали возможность, с одной стороны, иметь достаточно большую территорию, чтобы специально заниматься огородничеством (обычная площадь двора огородников составляла 1050-2100 кв. саж. при преимущественном размере посадских дворов в 150-550 кв. саж.). С другой стороны — по этим улицам начинались дороги в Буй, Любим, другие костромские пригороды и земли луговой заволжской половины Костромского уезда, то есть в те местности, куда и ездили скупщики сельскохозяйственной продукции. Понятно, что они предпочитали селиться на этих окраинных улицах, а не ехать через запутанную сеть улиц и переулков с громоздкой поклажей, например, кожами, хлебом, или гнать в центр города скот. Наконец, они могли скупать продукцию, тот же лук и чеснок, и у своих непосредственных соседей — огородников.

Отметим еще раз, что эти же улицы были и центрами кузнечного производства. В связи с этим стоит обратить внимание на

⁹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 33 об., 34, 34 об.

⁹² Там же. Л. 31 об.-36 об., 39-40 об.

наблюдения М. Б. Булгакова, отметившего факты торговли белозерских кузнецов на близлежащих ярмарках луком, чесноком, яблоками⁹³, и М. Н. Тихомирова, писавшего о наличии кузниц у дмитровских огородников⁹⁴. М. Б. Булгаков объясняет подобное явление тем, что «слабый спрос на кузнечные изделия в условиях феодального города и, как следствие этого, относительная незанятость ремесленников в своем деле заставляли их заниматься подсобными промыслами (огородничеством, садоводством) и торговлей сезонными белозерскими товарами»⁹⁵.

В Костроме ряд кузнецов также имели свои специальные огороды. Так, одни из самых известных костромских кузнецов, братья Алексей, Семен и Устин Яковлевы дети Самсоновы, помимо дворов с кузницами, имели общий огород в конце Кузьмодемьянской улицы⁹⁶. Таким образом, на примере по крайней мере этих трех городов — Белоозера, Дмитрова и Костромы, можно видеть определенную связь кузнечного промысла с огородничеством, так же, как и расселение по соседству друг с другом представителей этих специальностей. Однако можно полагать, что причина кроется не в «незанятости» кузнецов, а в том, что особенности деятельности и тех и других требовали поселения на более окраинных и имеющих большие свободные площади улицах, а наличие свободных земельных площадей, в свою очередь, и давало возможность кузнецам заводить огороды и выращивать овощи не только для собственного потребления, но и на продажу.

По данным дозорной книги 1664/65 г. в Костроме числился 21 огородник (2.6%), значительная часть которых, 8 человек, продолжала жить на Игнатовой улице. 5 человек отмечены на Богоявленской улице, где начиналась дорога в Вологду, и на соседних, Царевской (2 человека) и Калачной (2 человека) улицах. Здесь же, в Царевской улице, жил и один профессиональный торговец овощами⁹⁷.

Что касается прочих улиц костромского посада, особенно его северо-западной, Сульской части, то они не имели достаточно ярко выраженного характера с точки зрения занятий их жителей. Можно выделить лишь некоторое преобладание того или иного

⁹³ Булгаков М. Б. Промыслово-торговые связи белозерского посада... С. 200.

⁹⁴ Тихомиров М. Н. Население Дмитрова... С. 276.

⁹⁵ Булгаков М. Б. Промыслово-торговые связи белозерского посада... С. 200.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 40.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 26 об., 81 об., 83 об., 86 об., 88-95 об., 101 об.

вида деятельности. Так, преимущественно в Сульской части посада в целом жили костромские специалисты по выделке холста, крашенины и сермяжного сукна, а также торговцы ими. В 1627-1630 гг. из 8 холщевников и 2 человек, промысел которых указан как «скупают холст», соответственно 7 и 1 человек имели дворы именно здесь, в Богоявленской, Глазовой, Подгородной, Мшанской, Варварской, Бережной Якиманской улицах и прилегающих переулках (см. табл.). На Варварской, Бережной Якиманской улицах и в переулках числились все имевшиеся на посаде просто сермяжники — 2 человека и двое из трех «сермяжников», торговавших в сермяжном ряду. Специалисты по окраске холщевых тканей, крашенинные колотильщики, имели дворы в разных частях посада, но большинство, 16 человек из 22, селились в основном на тех же улицах Сульской части посада, начиная с Калачной и кончая Бережной Якиманской, где проживали и холщевники.

В литературе существует мнение, что в XVII в. выделились «районы, где посева льна и конопли и их дальнейшая переработка сделались хозяйственной специальностью местного населения, как крестьянского, так и посадского» и одним таких районов называют Кострому⁹⁸. По кратким данным писцовой книги трудно определить, в какой же сфере — производства или торговли — были заняты «холщевники» и «сермяжники», так как в отличие от крашенинников, чей промысел указывался как «крашенины колотят», их специальности никогда не сопровождалась расшифровкой типа «делает холсты» или «делает сермяжные сукна». Л. В. Данилова, рассматривая переработку льна и конопли в Ярославле, отметила, что в самом городе изготовление холста не было развито. Холст привозился из уездных деревень, городские же мастера «специализировались на крашении льняных тканей»⁹⁹.

По-видимому, то же самое явление имело место и в Костроме. Трудно предположить, что для выделки тканей, выходявших из рук восьми холщевников, даже если считать их всех производителями, а не торговцами, требовался труд в два с половиной раза большего числа людей. Скорее, крашенинные колотильщики занимались обработкой привезенного в город крестьянского холста. Интересно отметить, что Сульская часть посада (Богоявленская и,

⁹⁸ Очерки истории СССР. XVII век. С. 71.

⁹⁹ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... С. 101.

особенно, Варварская и Бережная улицы) была вторым центром расселения посадских людей со специальностью «красильники», «красильное делает»: из 15 человек здесь числились 9. Как представляется, эти жившие рядом с холщевниками и крашенинными колотильщиками люди занимались окрашиванием тканей, в отличие от красильников же кожевенного производства. Возможно, что употребление двух терминов — крашенинные колотильщики и красильники связано с обработкой различных видов тканей — выбоек, пестряди и т. д.

В целом, в Костроме в 1627-1630 гг. насчитывалось 32 (или 41 с учетом красильников) посадских человека, сфера деятельности которых была связана с изготовлением или продажей тканей и сермяжного сукна, что составляет 2.9% (3.7%) черных тяглых людей, занятых в промышленности и торговле — 8 холщевников, 2 сермяжника, 22 крашенинных колотильщика. При сравнении цифровых показателей по Костроме с аналогичными цифрами по другому крупному центру обработки тканей — Ярославлю видны количественные совпадения и качественные различия. Так, по переписной книге 1646 г. в Ярославле также числились 37 человек, занятых в обработке тканей, но состав их был иной — 28 холщевников, 5 сермяжников, 4 крашенинника, а также 8 красильников, под которыми подразумевались торговцы красками и мастера по окрашиванию кожи, ткани и пр.¹⁰⁰ Количественные различия между двумя городами имелись в объеме продаваемых тканей. В 1635-1636 гг. в Вологду из Костромы было вывезено 141 крашенина и 740 аршин крашенин¹⁰¹, а из Ярославля — 663 крашенины и 5 холстов¹⁰². В Устюг в 1633/34-1635/36 гг. костромичи посадские люди привезли 365 крашенин¹⁰³, ярославцы — 1238¹⁰⁴.

Сравнение приведенных цифр, при допущении, что холщевники могли быть скупщиками готовой продукции, показывает, что, с одной стороны, Кострома и уезд значительно уступали Ярославлю с уездом по объему вывоза, а с другой — свидетельствует о несколько иной организации приобретения тканей. Если в Ярославле, по-видимому, холщевники приобретали у крестьян уже совершенно готовые ткани, то в Костроме, при значительном

¹⁰⁰ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... Приложение. Табл.

¹⁰¹ Таможенная книга города Вологды. С. 26, 121, 130, 256, 300, 438.

¹⁰² Там же. С. 53, 87, 90, 116, 136, 208, 222, 277, 441.

¹⁰³ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. С. 50, 185, 189.

¹⁰⁴ Там же. С. 12, 13, 16, 22, 29, 42, 44, 157, 159, 163-164.

преобладании крашенинных колотильщиков над холщевниками, значительная часть поступавшего из уезда полуфабриката проходила, вероятно, окончательную обработку в самом городе.

В 1664/65 г. пять из одиннадцати холщевников и двое костромских сермяжников из числа посадских людей продолжали жить в Сульской части посада, к ним добавились 7 профессиональных скупщиков холста (еще два скупщика имели дворы в других районах). Крашенинные колотильщики, после эпидемии — 8 человек, селились в разных частях посада, трое — в Сульской части, остальные — в Стрелине и Кузьмодемьянской улицах. Что же касается красильников, то их численность после «мора» не только не уменьшилась, но и возросла в полтора раза: в 1664/65 г. их насчитывался 21 человек против 15 в 20-х годах. Показательно, что в районе кожевенной промышленности красильников в этот период не отмечено, зато в Сульской части рядом с дворами скупщиков холста стояли дворы 17 красильников.

В целом, производством, окраской или торговлей тканями и грубым сукном были заняты 26 (2.3%) или, с учетом 17 красильников Сульской части, 43 (3.9%) посадских человека, то есть эта сфера деятельности в Костроме не только не захирела, но и сохранилась в прежнем объеме, если не увеличилась, несмотря на потери населения в 1654-1655 гг. Это обстоятельство еще раз свидетельствует в пользу того положения, что городское ремесло развивается, повинаясь внутренним, собственным законам, и влияние привходящих обстоятельств может быть не столь велико, как принято обычно считать. Во второй половине XVII в. Кострома с уездом может носить наименование центра выработки холщевых и льняных тканей с гораздо большим основанием, чем в первой половине века.

Помимо холщевников, колотильщиков, сермяжников, придававших особый колорит Сульской части посада, две отдельные улицы этого района имели свое более или менее отчетливое «лицо» — Мшанская, ведшая к мосту через р. Кострому и Ипатьевскому монастырю, откуда начиналась дорога на Москву, и Бережная Якиманская, тянувшаяся вдоль берегов Волги и Костромы выше укреплений Старого города. Так, для Мшанской улицы можно отметить преобладание людей, занимавшихся изготовлением одежды, обуви и необходимых для этого материалов. Из 29 человек, сфера деятельности которых известна, 18 (61.1%) занимались шитьем одежды и обуви — 8 сапожников, 2 скорняка, 2 шапочника, 1 шубник, 1 рукавишник, 2 портных, 2 овчинника.

(см. табл.). В Бережной Якиманской же улице с переулками выделялись как бы две сферы преимущественной деятельности — одна, как и в Мшанской, пошив одежды, обуви, сопутствующих предметов и т. д., другая — занятия торговлей и скупкой. В первой области были заняты 33 посадских человека из 99, что составляет 33.3% (3 овчинника, 2 рукавишника, 12 сапожников, 2 шапочника, 4 портных, 1 шубник, 3 епанешника, 1 пугвишник, 5 скорняков), во второй — 28 посадских людей (28.3%). Большинство из них, 13 человек, составляли скупщики рыбы, рыбные прасолы, что не удивительно для приволжской улицы. Гораздо удивительнее другое, небольшое число городских посадских рыбаков — 8 человек, живших по другую сторону от Старого города, в основном, среди кожевников на Большой Бережной улице. Поэтому можно предполагать, что рыбные прасолы занимались скупкой рыбы не только и не столько у посадских людей, сколько у дворцовых рыбаков, слобода которых располагалась неподалеку от Бережной Якиманской улицы между правым берегом Сульского оврага и левым берегом р. Костромы на берегу Волги в Успенском переулке¹⁰⁵, и в уезде. Деятельность остальных торговцев состояла в скупке сермяжного сукна (2 человека), дегтя (3 человека), мыла (1 человек), торговле холстом (1 человек), щепетиньем (1 человек), москотиньем (1 человек), в мясном ряду (3 человека) или просто «в большом свальном торге» (3 человека).

В 1664/65 г. облик Мшанской улицы изменился: только 11 человек (24.4%) занимались производством одежды и необходимых материалов, большая же часть посадских людей, жителей этой улицы, стала заниматься отъезжим торгом (3 человека), торговлей в сапожном, суконном, скорнячном, пушном ряду (10 человек), продажей муки, рыбы, овощей (3 человека), всего 16 человек (35.5%). На Якиманской Бережной улице с переулками доля торговцев и скупщиков, напротив, понизилась до 28.3% (15 человек), а тех, кто был связан с шитьем одежды и обуви, повысилась до 41.5% (22 человека). Кроме того, ко второй половине XVII в. только на этой улице с переулками появились не регистрировавшиеся ранее специалисты, промысел которых определен как «делают ножны». Их было относительно немного — 6 человек, и жили они очень компактно, три двора (5 специалистов)

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 265. Л. 273 об.-283; Кн. 1113. Л. 229 об.-230; Костромские губернские ведомости. 1855. № 17.

стояли рядом друг с другом на самой Бережной улице, а один — в выходящем из нее Зеленом переулке¹⁰⁶.

В заключение хотелось бы остановиться на топографии дворов представителей еще двух видов ремесленных специальностей — иконописцов и серебряников. Всего в Костроме на посаде в 1627-1630 гг. числилось 11 серебряников (1.0%) и 13 иконописцев (1.2%), в 1664/65 г. — соответственно 13 (1.6%) и 18 (2.3%) человек. В. Г. Брюсова, посвятившая в своем общем исследовании о русской живописи XVII в. специальную главу костромским иконописцам, насчитала на посаде в 20-х годах XVII в. 5 работающих иконописцев¹⁰⁷. Расхождение в полученных результатах объясняется тем, что исследовательница не учла еще 8 человек: Богдана Иванова сына Суворцева с Большой Бережной улицы, Илью и Ивана Никифоровых с Покровской, Василия, Льва и Василия Васильева сына Восцыных с Калачной, Первого, иконника, с Игнатовой и Данилу, иконника (отца знаменитого иконописца середины — третьей четверти XVII в. Дуная Данилова) с Бережной Якиманской улицы¹⁰⁸. Что касается дозорной книги 1664/65 г., то здесь учет произведен более тщательно¹⁰⁹, не отмеченным остался всего один иконописец — Сергей Васильев сын Рожнов с Боровой улицы¹¹⁰.

М. М. Постникова-Лосева, изучавшая мастеров серебряного дела Ярославля, Нижнего Новгорода и Костромы в XVII в., пришла к выводу, что в Костроме «число серебряников по сравнению с Ярославлем и Нижним Новгородом было очень незначительным и даже в лучшие годы не достигало десяти человек»¹¹¹. В целом, с этим утверждением можно согласиться, но необходимо внести и некоторые поправки. Во-первых, число костромских серебряников, пусть не на много, но все же превышало десять человек. Во-вторых, М. М. Постникова-Лосева в своей работе не учла и не включила в словарь мастеров-серебряников указанных городов всех 11 посадских специалистов серебряного дела Костромы по писцовой книге 1627-1630 гг.¹¹², а по дозорной книге 1664/65 г.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 126 об., 128 об.-129.

¹⁰⁷ Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. С. 315.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 18 об., 32, 35, 43, 54 об., 93.

¹⁰⁹ Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. С. 315-316.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 50 об.

¹¹¹ Постникова-Лосева М. М. Мастера-серебряники... С. 294.

¹¹² Для дополнения имеющегося списка приведем полностью имена костромских серебряников 20-х годов XVII в.: зять Дружины Ларионова Макар, двор в Боровой улице, Афанасий Данилов сын Небесников, двор в Игнатовой улице,

ею были пропущены три мастера-серебряника: уже упоминавшиеся братья Анисим и Логин Стоюнины и Иван Петров сын Воронин из Спасского переулка Мшанской улицы¹¹³. В-третьих, количество костромских посадских серебряников в 20-х годах XVII в. не так уж разительно отличалось от числа серебряников того же Нижнего Новгорода: по подсчетам Н. Ф. Филатова, в 1622 г. там проживало 7 человек серебряников¹¹⁴, а по словарю самой М. М. Постниковой-Лосевой — 12 посадских специалистов серебряного дела¹¹⁵, в Устюге в 1623-1626 гг. числились 16 серебряников¹¹⁶. Иное положение наблюдается во второй половине XVII в., когда в Ярославле (в 1669-1678 гг.) насчитывалось 42-53 серебряника¹¹⁷, а в Нижнем Новгороде в 50-60-х годах XVII в. — более 30 человек¹¹⁸. Наконец, вряд ли справедливо связывать небольшое число костромских серебряников с эпидемией чумы 1654-1655 гг.¹¹⁹ Численность костромских иконописцев и серебряников, как и представителей некоторых других специальностей, несмотря на огромные потери среди посадского населения, ни относительно, ни абсолютно не уменьшилась, что явно свидетельствует о подъеме этих видов деятельности в городе во второй половине XVII в. О расцвете костромского искусства в это время говорит широкая известность артели костромских иконописцев во главе с Гурием Никитиным и Силой Савиным, выполнивших в период 60-80-х годов XVII в. такие работы, как роспись Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском, костромского Богоявленского монастыря, церкви Воскресения в Ростовском кремле, церкви Ильи Пророка в Ярославле, Троицкого собора Ипатьевского монастыря и

братья Прокофий и Федор Воиновы дети Перелестины, двор в Кузьмодемьянской улице, Лука Федоров, двор в Богоявленской улице, Аверкий Петров сын Надеждин, двор в Рождественском переулке Царевской улицы, Семя Филимонов сын Кононов, Григорий Григорьев сын Бляднов, Семя Титов, дворы в Брагине улице, Любим Кованицын сын Боковин, двор в Десятильничьей улице, Архип Тимофеев сын, двор в Цыцыне переулке Варварской улицы (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 65, 35 об., 81 об., 86, 89 об., 51-52 об.).

¹¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 11, 168, 33.

¹¹⁴ Филатов Н. Ф. Города и посады ... С. 44.

¹¹⁵ Постникова-Лосева М. М. Мастера-серебряники... С. 311-314.

¹¹⁶ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого... С. 45.

¹¹⁷ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы... Приложение. Табл. По подсчетам М. М. Постниковой-Лосевой в 1668 г. было 38 серебряников (Постникова-Лосева М. М. Мастера-серебряники... С. 274).

¹¹⁸ Постникова-Лосева М. М. Мастера-серебряники... С. 311-314.

¹¹⁹ Там же. С. 294.

др.¹²⁰ Конечно, вполне возможно, что, если бы не последствия эпидемии, деятельность костромских мастеров получила бы еще больший размах, но и то, что они сделали, впечатляет.

Данные писцовой и дозорной книг ясно свидетельствуют о двух обстоятельствах расположения на посаде дворов иконописцев и серебряников. С одной стороны, представители этих специальностей, не образуя особых слобод, жили во всех частях костромского посада. Однако, с другой стороны, очевидно, что иконописцы и серебряники предпочитали селиться рядом друг с другом, в результате чего на посаде на протяжении 20-60-х годов XVII в. существовали как бы четыре своеобразных «очага», объединявших людей, промысел которых определялся как «делать иконное» или «делать серебряное». Такими центрами были Большая Бережная и Боровая улицы, где в 1627-1630 гг. проживали 4 иконописца и 1 серебряник, а в 1664/65 г. — 7 иконописцев и 2 серебряника, Покровская и Игнатова улицы — 3 иконописца и 1 серебряник в 1627-1630 гг., 4 иконописца и 1 серебряник в 1664/65 г., Калачная, Богоявленская и Царевская улицы — 4 иконописца и 2 серебряника в 1627-1630 гг., 4 иконописца и 2 серебряника в 1664/65 г., Мшанская, Брагина, Десятильничья, Варварская и Бережная Якиманская улицы — 2 иконописца и 4 серебряника в 1627-1630 гг., 3 иконописца и 6 серебряников в 1664/65 г. Только два серебряника в 1627-1630 гг. и три в 1664/65 г. имели дворы на Кузьмодемьянской улице¹²¹. В дозорной книге 60-х годов XVII в., помимо серебряников, отмечены еще три медника — Иван Семенов сын Тушенин, выходец из посада Соли Камской, живший вместе с сыном Дмитрием на Большой Бережной улице, и два человека с Никольской улицы, граничившей с Покровской, — Никифор Матвеев сын Гожев и живший в качестве соседа на дворе Никифора Михайлова Федор Антамонков¹²². Однако, как уже отмечалось, Н. М. Гожев делал серебряные изделия¹²³, а двор И. С. Тушенина на Большой Бережной улице стоял рядом с двором серебряников братьев Анисима и Логина Ивановых детей Стоюниных¹²⁴. Поэто-

¹²⁰ Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. С. 78-107.

¹²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 18 об., 19 об., 32, 35, 35 об., 43, 51-52 об., 54 об., 65, 81 об., 86, 88, 89 об., 93; Кн. 1123. Л. 11, 22, 33, 34 об., 41, 48 об., 49 об., 50 об., 60 об., 62 об., 63, 64 об., 67 об., 84, 90, 92, 110, 112, 119 об., 121 об., 128 об.-129, 182 об.

¹²² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 15-15 об., 59, 168.

¹²³ Постникова-Лосева М. М. Мастера-серебряники... С. 295.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 168.

му можно предполагать, что костромские посадские медники могли работать и по серебру.

Топография дворов костромских иконописцев и серебряников, их проживание поблизости друг от друга отдельными очагами позволяет, как представляется, дать некоторую характеристику и их деятельности. Так, постоянное стремление селиться рядом говорит о том, что серебряники могли, в основном, обслуживать иконописцев и выполнять работы по изготовлению окладов икон. Примером такого сотрудничества служат два первых центра, объединявших представителей этих специальностей — Большая Бережная и Боровая улицы и Игнатова и Покровская улицы. Интересно отметить, что на этих улицах, не граничивших с крупными культовыми центрами Костромы, соотношение иконописцев и серебряников на протяжении сорока лет оставалось практически неизменным — на 3-4 иконописцев 1 серебряник, на 7 иконописцев 2 серебряника. Вероятно, такое соотношение было оптимальным при работе серебряников со «своими» иконописцами. В третьем центре, на Калачной, Богоявленской, Царевской улицах соотношение несколько изменилось, серебряников стало больше: на 4 иконописцев приходилось 2 серебряника. Такое же соотношение 2:1, только при перемене этих специальностей местами, имелось в четвертом центре, на Мшанской, Брагиной, Десятильничьей и Бережной Якиманской улицах (2 иконописца — 4 серебряника в 20-х годах, 3 иконописца — 6 серебряников в 60-х годах). Все эти улицы граничили или располагались вблизи крупных монастырей: Калачная, Богоявленская, Царевская веером расходились от Богоявленского монастыря, небольшая Брагина улица брала свое начало от Настасьина девичьего монастыря, на Десятильничьей стоял патриарший двор, а Мшанская и Бережная Якиманская выводили к находящемуся за р. Костромой Ипатьевскому монастырю. Рядом с крупными монастырями селились не только костромские, но и, например, ярославские серебряники, значительная часть которых жила вокруг Спасского монастыря¹²⁵. Можно предполагать, что увеличение числа серебряников по сравнению с иконописцами в этих районах и было обусловлено работой по заказам монастырских властей, патриарха или просто людей, посещавших монастыри, и серебряники изготовляли, помимо окладов для икон, предметы церковной утвари и убранства¹²⁶. Стоит также напомнить, что именно в Бережной Якиманской

¹²⁵ Постникова-Лосева М. М. Мастера-серебряники... С. 274.

¹²⁶ Перечень работ костромских серебряников, хранящихся в различных музеях см.: Постникова-Лосева М. М. Мастера-серебряники... С. 292-305.

улице в 1664/65 г. жили пять мастеров по изготовлению ножен, и при этом их дворы стояли рядом с дворами серебряников. Так, двор серебряников Лариона Клементьева и его сына Алексея граничил с двух сторон с дворами Демида Иванова и Митьки Михайлова, занимавшихся производством ножен¹²⁷. Вполне возможно, что Л. и А. Клементьевы могли сотрудничать со своими соседями — украшать ножны серебряной насечкой, чеканкой и т. д.

В целом, изучение топографии дворов костромского посада помогает лучше понять не только структуру городской территории, но и выявить некоторые особенности в развитии городского ремесла, установить связь различных видов ремесленных специальностей между собой, лучше представить суть занятий отдельных ремесленников.

Проявившиеся закономерности в топографии дворов костромских посадских людей различных специальностей и занятий заставляют задаться вопросом о способах их перехода из рук одного владельца в руки другого, о роли наследственности ремесла в развитии различных сфер ремесленного и мелкотоварного производства, о размерах дворов представителей разных специальностей и их соотношении с тем или иным родом деятельности и т. п. Все эти вопросы требуют дальнейшего подворного анализа данных писцовой и иной документации.

В приложении к статье (см. стр. 166-173) дается таблица топографии ремесел на посаде Костромы, составленная по данным писцовых книг 1627/28-1629/30 гг. писцов Ивана Бутурлина и кн. Василия Волконского и подьячих Остафия Колюпанова и Ивана Злобина (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1113. Л. 16-126 об.) и дозорной книги города 1663/64-1665/66 гг. кн. Ивана Петровича Вяземского (РГАДА. Ф. 120. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 3-229 об.).

В таблицу внесены все имеющиеся в этих источниках сведения о торгово-ремесленных занятиях посадских людей Костромы, расположенные в алфавитном порядке. В числителе приводятся данные по писцовой книге 1627/28-1629/30 гг, в знаменателе — по дозорной книге 1663/64-1665/66 гг., отсутствие данных обозначается знаком «-».

Названия ремесленных профессий и торговых занятий посадских людей даются, исходя из терминологии источников. При на-

¹²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1123. Л. 128 об.-129.

личии в них пространных записей типа «кожевник, промысел его делает коженное», «оловянщик, промысел его делает оловянное» в таблицу вносилось первое, краткое, определение — «кожевник», «оловянщик». В случае использования в писцовой и дозорной книгах только развернутого определения ремесленных специальностей черных тяглых людей типа «промысел его мыло варит», «промысел его свечи вошит», эти записи, а также все записи, характеризующие их торговую деятельность, приведены в таблице полностью.

Все сведения о ремесленных и торговых занятиях посадских людей сгруппированы по улицам и прилегающим к ним переулкам посада Костромы, которые обозначены цифрами с 1 по 22 в верхней вертикальной строке таблицы:

1. Большая Бережная ул., Чулков и Манихин пер.
2. Боровая ул. и Широкий пер.
3. Ивановская ул. («на Кадкине горе»), «у Бориса и Глеба на монастыре»
4. Русинова ул.
5. Никольская ул.
6. Покровская ул.
7. Игнатова ул.
8. Гатилова ул. и Благовещенский (Бреин) пер.
9. Стрелина ул. и Стрелин пер.
10. Кузьмодемьянская ул. и Рахманцов пер.
11. Златоустенская ул.
12. Калачная ул.
13. Богоявленская ул. и Дергачева слободка.
14. Царевская ул., Рождественский, Пятницкий, Вознесенский пер. и пер. к Лычову болоту
15. Глазова ул. и Строев пер.
16. Подгородная ул., Спасский и Никольский пер.
17. Мшанская ул.
18. Брагина ул.
19. Десятильничья ул. и пер. «у Симеона Столпника»
20. Варварская ул., Цыцын и Суслов пер.
21. Бережная Якиманская ул.
22. Переулки около Волги: Всехсвятский, Щербов, Предтеченский, Лохов, Зеленый

Топография ремесел
по писцовой книге 1627/28 гг.

Ремесленные специальности и занятия по терминологии писцовых книг	У л и ц ы										
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
бараник	-	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
белильник	-	-/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
бельевщик	-/4	-/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
варежник	-	-	1/-	1/-	-	-	-	-	-	-	5/1
войлочник	15/6	2/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
гладильщик	1/-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
гвоздарь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
голубятник	-	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-	-
гребенщик	-	-	4/1	-/4	-	-	-	1/1	-	-	-
гробовщик	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
делает меха	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/1
делает ножны	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
деревщик	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
дровосек	-	-	2/-	-	-	-	-	-	-	1/-	-
дуботолк	15/1	15/-	2/-	-	-	-	-	-	-	-	-
епанечник	-	-/2	3/3	-	-	-	-	-	-	-	-
живодер	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-
завязочник	-	-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-
замочник	-	-	-	-	1/1	-	-	-	-	-	-
зелейщик	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
извозчик	1/2	1/-	-	1/-	1/-	-/1	2/1	-	2/1	2/2	-
иконописцы	4/1	-/6	-	-	-	2/3	1/1	-	-	-	-
истопник	-	-	-	-	-/1	-	-	-	1/-	-	-
кабацкий ярыжка	-	-	-	-/1	-	-	-	-	-	-	-
калачник	5/-	2/1	-	1/-	-	-	4/-	-/3	-	1/-	-
канатчик	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
караваечник	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
квасник	-/5	-/2	-/1	-	-/5	-	-/1	-	-/1	-	-
кисельник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
кожевник	61/33	12/8	-/1	-	-	-	-	-	-	-	-
колодезник	-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-
колотильщик крашенной	-	-	1/-	1/-	-	2/-	-	1/-	-	-/3	-
коновал	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-
крупеник	-	-	-	-	-	6/1	-	-	1/-	-	-

на посаде Костромы
и дозорной книге 1664/65 гг.

п о с а д а

Итого

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
-	-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	2/1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/5
2/1	1/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10/3
-	-	-	-/1	-	-	-	-	-	-	-	-	17/9
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5/6
-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/5	-/1	-/6
-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	32/1
-	-	-	-/1	-	-	-	-	-	-	1/-	2/-	6/6
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-/1	-	-	-	-	-	-	-	-	1/2
-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
-	4/4	3/1	-/1	1/-	2/2	1/1	1/-	-	1/-	3/-	3/-	29/16
-	3/-	-/2	1/2	-	-	-/1	-/1	-	1/1	1/-	-	13/18
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/1	-	1/2
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/1
-/4	1/1	1/5	2/1	1/1	1/-	1/1	1/-	-/1	3/2	1/1	1/1	26/22
-	-	-	-	-	-	-/1	-	-	-	-	-	-/1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-/1	-	-/1	-	-	-	-	-	-/1	-	-	-/18
-	-	-	-	-	2/-	-	-	1/-	1/-	-	-	4/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	73/42
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
1/2	-	1/-	1/-	-	2/1	2/1	-	2/-	2/-	1/-	5/1	22/8
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8/1

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
красильник	1/-	-	-	2/-	-1	1/-	-2	2/-	-	-
кузнец	-	1/1	-5	15/4	2/3	5/2	11/-	11/8	4/2	17/3
курит вино	2/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-1
котельник	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-
луковник	-	1/-	-	-	-	-	-	-	1/-	-
льняник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
манатейщик	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1
масленик	2/2	2/2	-	-	-	1/-	5/3	-	-	-
медник	-1	-	-	-	-2	-	-	-	-	-
молотовщик	-	-	-	-1	-1	1/-	2/9	1/3	-	2/-
мошенник	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
мучник	-1	-	-	-	-	-	1/-	-	1/-	1/-
мыльный резальщик	-1	-	-1	-	-	-	-	-	-	-
мыло возит	3/-	-	1/-	-	-	-	1/-	3/-	-	-
мясник	3/4	-2	7/-	2/3	-	-1	1/1	1/5	-	1/1
нашивочник	-	-4	-	-	-	-	-	-	-	-
ножевец	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
овчинник	-	3/1	1/4	2/1	-	3/1	7/1	-	-	-
огородник	-	-	1/1	1/-	1/-	13/1	18/8	-	1/-	7/1
однорядошник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
оловяннишник	-	-	-	-	-	1/-	-	-	-	-
обручник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
оконщик	-	-	-	-	-	-	-1	-	-	-
орешник	-	-	2/-	1/-	-	-	-	-	-	-
откупает каба- ки и перевозки	-	-	-	-	1/-	-	-	-	-	-
пастух	1/-	-1	-	-	-	-	-	-	-	-1
перевозчик	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
пирожник	-	-	-	-	-2	-1	-	-	1/-	-
плотник	2/-	2/-	2/-	1/-	1/1	-2	1/-	-	1/-	-
подошвенник	4/1	-	-	-	-	-	-1	-	-2	-
портной	2/1	5/1	4/1	-	-	2/1	-	-	-	1/1
прядет на люди	-1	-3	1/-	-	-	-	-	-	-	-
прянишник	-	-	-	-	-	-	1/1	-	-	-
пугвищик	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
рабочие люди	22/16	5/4	5/-	4/2	-1	-8	13/1	2/1	4/-	4/1
решетник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ржаник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
рукавишник	11/4	5/4	4/-	1/1	1/1	3/-	5/2	2/-	-2	3/-
рыбник	4/-	1/-	2/-	-	1/-	-	-	-	-	-
рыбный прасол	-1	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-
рыбу ловит	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
сапожник	9/2	1/1	7/4	6/1	1/1	8/1	3/-	4/-	1/2	1/1
сарафанник	-	-	-	-	-	1/-	-	-1	-	-
свечи воцит	-	-1	-	-	-	-	1/1	-	-	-

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
-/1	-/6	2/2	-/1	-/3	-	-/1	-	-/1	3/2	2/-	2/1	15/21
7/2	4/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	77/30
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/1
1/-	-	-	1/-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	4/-
-	1/-	2/-	-	1/-	1/-	-	-	-	-	-	-	7/-
-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	2/1
-	-/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10/9
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/3
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6/14
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	4/1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-/1	-	-/1	-/4
-	-/1	-/1	-/3	-/1	-	-	-	-	-	-	-	8/6
-	-/2	4/2	-	-	-/1	-/1	-	2/-	2/2	-	-/2	23/27
-	-	-/2	-	-	-	-	-	-	-	-/1	-	-/7
2/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
1/-	1/-	-	-	-	-	1/2	-/1	1/3	-/2	2/1	1/4	23/21
-	2/2	2/5	-/2	-	-	-	-	-	-/1	-	-	46/21
-	3/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-	1/-
-	-/1	-/1	-	-	-	-	-	-/1	-	-	-	-/4
-	1/-	-	2/-	-	-	1/-	-	-	1/1	-	-	8/1
-	-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
-	-	1/-	-/1	-	1/-	-	-	-	-	-	-	3/3
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-	2/-
-	-	-	-	-	1/-	-	-	-/1	-	-	-	2/4
-	1/-	2/1	5/3	1/-	1/1	2/2	-	2/-	2/2	5/-	2/-	33/12
-	-	1/-	-/2	-	-	-	-	-	-	-	-	5/6
1/1	-	2/3	6/1	1/-	-	2/-	-	2/2	-/1	-/2	4/-	32/15
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/4
-	-	-/2	-/1	-	-	-	-	-	-	-	-/1	1/5
-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	-	2/-
2/-	2/-	2/9	2/3	-	1/1	-	-	-	5/1	2/2	3/1	78/51
-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-/3	-	2/2	-/3	-	1/1	-	-	-/3	-	-	3/12
1/2	2/3	2/-	1/2	-/1	-	1/1	-	-	1/-	1/-	1/-	45/23
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8/-
-	1/-	-	-	-	-	-/1	-	-	1/1	7/-	6/-	16/3
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
2/4	6/8	4/5	5/19	-/2	6/8	8/5	1/1	2/5	6/5	4/2	8/3	93/80
1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/1
-	2/-	1/1	-	-	-	-/1	-	-	-	-	-/1	4/5

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
седельник	1/-	-	-	-	-	-	-	-	2/-	-
сермяжник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
серебряник	-/2	1/-	-	-	-	-/1	1/-	-	-	2/3
сенной прасол	-	-	-	-	-	-/1	-	-	-	-
скобеник	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-	-
скорняк	-	-	-	3/1	-	-	-	-	-/1	-
скупает мыло	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
скупает скоти- ну	-	-	-	2/2	-	2/1	1/-	-	-	1/3
скупает сырые кожи	1/2	-/1	-	2/4	-	2/5	-/1	-	-/1	-/1
скупает холст	-/1	-	-	-	-/1	1/-	-	-	-	-
солодяник	7/-	-	2/1	1/-	-/1	-/3	1/-	-/2	-/2	-/1
строгальник	33/8	30/8	-	-/1	-	-	-	-	-	-
судовой ярыжка	2/2	-	2/-	-	-	-	-/1	-	-	-
судоплат	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
суконный мас- тер	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-
строченик	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-	-
струнник	-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-
сыромятник	-/1	-	1/-	1/-	-	-	-	-	-	-
торгует в же- лезном ряду	-	-	-	-	-	-	-/2	-/1	-	-/1
торгует в мяс- ном ряду	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-	-
торгует в пуш- ном ряду	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
торгует в рука- вишном ряду и холст перекупа- ет	-	-	-	-	-	1/-	-	-	-	-
торгует в свеч- ном ряду	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
торгует в сер- мяжном ряду	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-	-
торгует в скор- няжном ряду	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
торгует в ша- почном ряду	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
торгует ветощью	-	1/-	-	-	-	2/-	1/-	-	-	2/-
торгует дегтем	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
торгует камень- ем	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
торгует крупой	-	-	-	-	-	7/-	-	-	-	-
торгует лаптя- ми и рогожами	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	-2	1/-	2/2
-	-	1/-	1/-	-	-	-2	3/-	1/1	1/2	-2	-	11/13
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-2	-	1/-	-	2/-	-	-	1/1	4/1	1/-	12/6
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	1/-
-1	-1	1/1	-	-	1/1	-	-	1/1	-	-	-	9/11
-	-	-2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5/17
-	-	-	-1	-	-	-3	-	-	-2	1/1	-	2/9
-	-3	-	2/2	-3	-	1/1	-	-	-3	-	-	14/22
-	-	-	1/-	-	-	-2	-	-1	-2	-	-	64/22
-	-	-	-1	-	-	-	-	-	2/2	-	-1	6/7
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	1/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-1	-1	-	-	-	-	-	-	-	2/3
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-4
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3/-	-	4/-
-	-	-	-	-	-	-1	-	-	-	-	-	-1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-4	-	-	-	-	-	-	-	-	-4
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	1/-	3/-
-	-	-	-	-	-	-1	-	-	-	-	-	-1
-	-	-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-1
-	-	1/1	-1	-	1/1	-	-	-	-	-	-	8/3
-	1/-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	2/-	5/-
-	-	-	-	-	-1	-	-	-	-	-	-	-1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7/-
-	-	-	-	-	-	-	-	-1	-	-	-	1/1

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
торгует москотиным	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-/1	-
торгует мукой и хлебом и солод растит	-	-	-	-	-	2/-	-	-	-	-
торгует мукой и чесноком	-	-	-	-	-	2/1	-	-/1	-	-
торгует овощами	-	-	-	-	-/1	-	-/1	-	-	-
торгует орехами	-	-	-	-	-/1	-	-	-	-	-
торгует, отъезжая	1/-	5/2	1/-	8/-	8/-	-/2	-	-	-/1	-/2
торгует подошвами	-	-	-	-	-	1/-	-	-	-	-
торгует сапогами	-	-	-	-	-	3/3	-	-	-	-
торгует солью	3/-	-	-	1/-	1/-	-	-/1	2/1	-	-/1
торгует сукнами	1/-	-	-	-	-	-/1	-	-	-/4	-
торгует шубами	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
торочешник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
хлебник	3/-	-	-/1	-	-	1/-	-	-	-	-/1
холщевник	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
харчевник	-	-	-/1	-	-	-	-	-	-	-
ходит около лошадей	-	-/1	-	1/-	-	-	-	-	-	-
хомутик	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
чулошник	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
шапочник	3/-	1/-	1/2	2/-	-/3	-	-	-	-	-
шелковник	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-
шубник	-	2/-	1/-	-	-	-	-	-	-/1	-
Всего	226/ 103	104/ 61	61/ 27	62/ 26	20/ 27	73/ 41	86/ 40	31/ 27	22/ 21	54/ 31

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
-	-	-	-	-1	-1	-	-	-	-	-	1/-	2/3
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/-
-	-	-1	-	-	-	-1	-	-1	-	-	-	2/5
-	-	-	-1	-	-	-1	-	-	-	-	-	-4
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-1
-	-	-1	-1	1/-	-	-3	-	-	-	3/-	-	27/12
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-2	-1	-	-1	-	-4	-	-	-2	-	-2	3/15
-	-	-1	-	-	-	-	-	-	-1	-1	-	7/6
-	-	-	-	-	-	-1	-	-	-	-	-	1/6
-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	1/-	-	-	-	-	-	-	1/-	-	2/-
1/-	-	-	1/2	4/-	-	1/1	-	-1	-1	1/1	-1	12/9
-1	-1	1/1	-	1/1	1/3	1/1	-	-	1/1	-	2/2	8/11
-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-	-	-	1/1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-1	-	-1
-	1/-	-1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/1
1/-	-1	1/5	-1	-	-	2/2	-	3/1	1/2	2/3	-3	17/23
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/-
-	-	-	-	-	-	1/1	-2	1/-	1/-	-	1/-	7/4
24/19	39/43	39/60	39/63	14/18	22/21	29/45	6/5	18/21	39/45	48/27	51/26	1107/797